„ХРИСТИАНИН“

ДЛЯ ВСЕХ ИЩУЩИХ ИСТИНУ И ЛЮБЯЩИХ ГОСПОДА

№ 3 | 1927 год | № 3

ТЕКСТ: 1) Письмо отца о сыне.—*И. С. Проханова.* 2) Гл. III. Искание Христа.—*Ч. Спёрджена.* 3) Новая тропа.—Стих. *И. С. П.* 4) Исаия.—*И. Кергеля.* 5) „Неблагоприятные обстоятельства“.—*С. Блэквуда.* 6) „Если Бог за нас“.—Стих. *Н. Казакова.* 7) Мудрость Соломона.—Проповедь *Ф. Кулена.* 8 „Чем доле я живу“.—Стих. *А. Фета.* 9) „Все зыбко в жизни“.—*П. Вяземского.* 10) Тихие беседы о молитве.—Ч. I, гл. 4.—*С. Гоудона.* 11) „Чуден, Боже сил“.—*А. Л.* 12) Экзегетика. Толкование кн. Бытия.—*В. Быкова.* 13) Краткое пособие при изучении Библии: послание к Евреям. 14) Вечные отношения.—*Филиппа Моро.* 15) О кончине В. И. Проханова. 16) „Почившему Всеволоду“.—Стих. 17) „В земле сырой“.—Стих. *И. С. П.* 18) Жизнь или смерть.—Стих. *Всеволода Проханова.* 19) Сообщения с мест. 20) Обращение ко всем Отделам.

ДУХОВНЫЕ ГИМНЫ: „Славьте Творца“.—Слова *Н. А. К.*, муз. *К. Grunholzer.* ФОТОГРАФИИ: стр. 6, 7, 8.

Письмо отца о сыне.

На 10-м Всесоюзном Съезде, а также до него и после него я получил многочисленные выражения сочувствия и соболезнования от братьев, сестер и друзей по поводу безвременной кончины моего горячо любимого сына Всеволода Ивановича. Считаю своим долгом через посредство этого письма выразить искреннюю благодарность всем лицам, проявившим свое сердечное участие в моем горе. Я знаю, что многие молились Господу о подкреплении меня в дни тяжелого испытания. Зная это, усугубляю мою благодарность всем.

Мой сын скончался в г. Ленинграде 23-го июля 1926 г. во время моего пребывания в Америке. Получив известие об этом событии я так был потрясен, что друзья опасались за мое здоровье.

Такая скорбь естественна. Ведь и Давид горько скорбел об утрате своего сына, а Христос проливал слезы по поводу кончины Своего ученика и друга Лазаря. Но благодарение Господу, что у нас, верующих, имеется источник утешения в слове Божием.

Я нашел утешение в той скорби Христа, о которой Он говорил „душа Моя скорбит смертельно“ (Мтф. 26, 28) и в словах слуги Божия Иова: „Господь дал, Господь взял! Да будет имя Его благословенно“ (Иов. 1, 21). — Эти слова я и передал по телеграфу Союзному Совету в ответ на их сообщение. Перед этой волей я склонился смиренно.

В самой тяжелой скорби я не забывал и не забываю, что наша задача не скорбеть, а уменьшать скорбь в мире, умножать и распространять радость повсюду.

Наш долг разливать свет Христа по всем уголкам земли, чтобы жизнь восторжествовала над смертью, чтобы поскорее настал тот день, когда мы воскликнем: „смерть! где твое жало? Ад! Где твоя победа?“

Поэтому нам некогда скорбеть. Будем бодрствовать, трудиться до предела, утешать скорбящих любовью Божией и готовить себя к встрече с Ним! После моего покойного сына, осталось несколько стихотворений духовного содержания, выражающих глубокие мысли. Наши друзья будут рады видеть их напечатанными.

Скорбящий скорбью человеческой и радующийся радостью Божией

Ваш брат И. С. Проханов.

И. С. Проханов и д-р Шельдон, автор книги:
„По стопам Христа".

ИСКАНИЕ ХРИСТА.

Ч. Спёрджен.

„О, если бы я знал, где найти Его"!
Иов. 23, 3.

Человек может жить долгие годы, не обращая внимание на те „укоризны" [1]), которые разными способами делает ему Бог; но, в конце концов, действие их сказывается. С одной стороны является разочарование во всем том, что до сих пор казалось единственно нужным и важным; с другой—сознание своей неисправимой греховности; а главное—ясное ощущение своего полного бессилия. И вот, если в такой момент человека вдруг озарит мысль, что ведь Христос пришел именно для того, чтобы **спасти погибших** — он с радостью хватается за нее. Весть эта проходила мимо его сознания, пока он не понимал, что—погиб, и что **сам** спастись не может. Теперь же он похож на человека после кораблекрушения, который носится по волнам, уцепившись за какой-нибудь обломок, изнемогая в последнем усилии удержаться, и жадно вглядываясь: не покажется ли где-нибудь парус, не придет ли спасение?

В таком, приблизительно, положении находится и тот, который вдруг постиг, что спасение должен он искать — извне, что оно должно притти к нему от Кого-то, Кто „может спасать"... Благая весть, к которой прежде относился он небрежно, без внимания, теперь приобретает в его глазах особенный смысл, и он готов принять ее, поверить в нее, припасть к ногам Христа, и благоговейно вручить себя Ему.

Но тут часто происходит удивительное явление: хотя мы и сознаем свою духовную нищету, но плода оправдывающей нас благодати мы не ощущаем. Иногда проходит долгое время — а мы не чувствуем на нас действия руки Его. „Поднимаем очи свои к горам",—но помощи свыше не получаем.

В чем же дело?

Многие в такие минуты склонны думать, что Христос не дает мира и утешения душе потому, что она слишком грешная, что недостоин человек, чтобы „Он вошел под кров души его"... Как это не верно! Какая это клевета на сострадательное сердце Христа... Спасение зависит не от дел человека, совершается **не** человеком; благодать Господня дается не делающему добро, а верующему в Того, Кто может оправдать и нечестивого.

Добрые дела—не **причина**, а непременное **последствие** полученной благодати.

Не существует такого состояния души, при котором нельзя было бы приблизиться к Христу. Ведь что бы люди ни делали—все равно будут они недостойны Его. Один грешник говорил: невозможно и думать, что на **такого** как я может Бог обратить внимание... у других, может быть, грехи обыкновенные... Но я слишком грязен.

Читатель!.. Что бы о вас люди ни думали, какими бы вы сами себе не казались, скажу Вам одно — от лица Господа: нет такого греха, нет такого состояния души, при котором человек не имел бы права прибегнуть к милосердию Господа.

---

[1]) См. „Христианин" № 2 за 1927 г.—„Искренние укоризны", *Ч. Спёрджена.*

„Я пришел взыскать и спасти погибшее".
„Я пришел призвать не праведников, но грешников к покаянию".
„Не здоровые нуждаются во враче, но больные"...
Вникните в эти слова Его!

Бедный мытарь, который ничем не мог оправдать себя в глазах Божиих, пошел в дом свой оправданным в противоположность фарисею, человеку благочестивому и строгому исполнителю закона, но гордому и самоуверенному.

Люди думают, что праведность приближает ко Христу. Нет! Праведность **наша**, наоборот, **удаляет** нас от Христа. Не заблуждайтесь! Не греховность, а праведность **человеческая**, праведность, **которою** хотят приобрести спасение — преграждает людям доступ к Богу. Это истина евангельская.

Может быть такое утверждение покажется слишком смелым? Прочтите дерзновенные слова по этому поводу ап. Павла в посланиях к Римлянам и к Галатам. Нужны сильные выражения, чтобы люди поняли эту истину: человеческий разум с трудом усваивает ее.

Еслиб удалось уверить людей, что оправдание нисколько не зависит от их дел—как легко было бы их утешить, придать им силы! Но в том-то и дело, что человек никак не может понять, что его добродетель не приносит никакой „пользы" Богу, а грех его нисколько не „умаляет Его богатств". Человеку все кажется, что нужно что-то такое Богу подарить, что помилование не может быть даром благодати небесной. Не решаются поверить обетованию: „уврачую отпадения их; возлюблю их **по благоволению;** и гнев Мой отвратится от них" (Ос. 14, 5). Это кажется им слишком чудным, чтобы быть правдой.

Воздухом, водою, плодами, радостями жизни человек пользуется свободно, не раздумывая, не считая, что все это предназначено для каких-то особенных людей, но только не для него. А когда дело коснется „воды живой" из того источника, Который зовет к Себе всякого жаждущего—тогда человек колеблется, сомневается, не решается взять себе «воды» этой в свой сосуд, под тем предлогом, что сосуд не достаточно хорош.

Не надо думать, что грех может помешать нам с верою коснуться края ризы Христа, чтобы получить исцеление. Вспомним:

„Где преизобилует грех, там умножается и благодать".

Только Один Дух Божий может заставить человека, глубоко сознающего свое недостоинство, считающего себя—„ничем",—принять Господа Иисуса, как свое „все во всем". Когда Господь начал Свое дело в сердце человека ничто не может помешать Ему докончить его, и потому Он „помышляет, как бы не отвергнуть от Себя отверженного (2 Цар. 14, 14)".

Дух Святой открывает грешнику, что Христос — Друг грешников вот именно таких, как он, и что Он—силен спасать.

И вот тут-то и бывает, что, хотя человек понял, что греховное состояние его души не лишает его надежды на спасение—все-таки проходят иногда долгие дни и месяцы, пока он, наконец, почувствует на себе силу благодати Божией, пока увидит, наконец, скрытый от него Лик Христов. Множество людей ищут Его, долгое время не могут Его найти, и с отчаянием взывают: „О, если-б я знал, **где** найти Его!"

Я намерен говорить тут о пройденном мною самим путь искания Господа, и о тех затруднениях, которые на этом пути мне встретились. Может быть это поможет и другим душам, ищущим Бога — найти Его.

Я хочу:

I. Отметить признаки подающие надежду на успех.

II. Указать на **причины,** почему задерживаемся мы в пути искания Христа.

III. Указать, **как** надо искать Его.

I.

I. Первый признак: душа наша начинает **всецело стремиться** к Иисусу: „О, если-б я знал, где найти Его?“ Раньше мы вопрошали, как Давид: „Кто покажет нам благо?“, думали найти „благо“ в радостях мира сего... Теперь же наше желание приняло определенную форму: вода нашла себе русло. Это уже более не широкая пелена мелких стоячих вод, покрывающая низменность, и изобилующая миазмами: это сильный поток, который стремится, ищет себе выхода в безбрежный океан.

Людям так свойственно желание проникнуть в тайны природы; они испытующим оком исследуют небо, опускаются в глубины океанов, разлагают тела на составляющие их элементы... Чего-чего не ищет человек! И в глубине оказывается всегда одно и то-же: недоступная разуму первопричина, которую мы называем Богом.

Но и для исследователя может наступить такой момент, когда он почувствует, что все, что он до сих пор искал и к чему стремился — **не главное.** Даже не блага духовные, о которых молился он постоянно: прощение, обращение, омытие грехов его, оправдание, — он видит, что все это — не то; что не этого, в сущности, ему нужно. Он начинает понимать, что все эти благословения соединены в одном — в лице Господа Христа.

Великая милость Божия, если мы это поймем! И не знаю я ни одного грешника, который искал бы Иисуса — Его Одного, и который рано или поздно не нашел бы Его—нашего единственного Друга.

Вспоминается мне тот период времени, когда я сам искал Его, вот именно так искал Его Одного. Как все, что мне было прежде дорого—теперь утратило для меня всякое значение! Религиозные обряды и всякое внешнее проявление веры казалось мне, жаждущему, пустыми сосудами, где не осталось и капли живительной влаги... Слова проповедников не трогали душу, ничего не объясняли, не касались **сути**, не удовлетворяли. Я понял, что все чем раньше успокаивал я свои сомнения—было только нашими человеческими лукавыми уловками.

Вожделения плоти потеряли надо мной свою силу... Одно стремление, одно желание, одна надежда наполняло сердце: „Иисус! Иисус!“ Он Один, только Он Один представлялся безопасным убежищем. Как лежащий на поле сражения раненый, томимый жаждой, стонет: „воды, воды, воды!“ так в такую минуту человек непрестанно взывает к небу: „Иисус, Сын Давидов, помилуй меня! О, Господь Иисус, приди ко мне!“

Когда в это время нам говорят о чем-нибудь другом, кроме Христа, и Христа Распятого,—это только усиливает наше стремление к Нему: так усиливается жажда, когда мы видим картину, изображающую многоводную реку. Душа томится сознанием пустоты, которую ничто наполнить не может; она горит желанием, неудержимым, как горный поток. Все силы ее, все страсти слились воедино; как войско, которое стремительно врывается в открытую брешь, образовавшуюся в крепостной стене, так все наши соединенные силы устремляются в «город спасения» через одну единую дверь, ведущую в него—через Иисуса Христа. Душа

наша ничего в эту минуту другого не вмещает. Все свои силы она напрягает на одно—найти Его. И каким ореолом славы окружен Он тогда для нас! Мы готовы дать что угодно за малейшее проявление в нас благодати Его, за один лишь взгляд Его, за одну улыбку одобрения! Жизнь мы готовы отдать за одно Его слово любви. Никакая теснота не испугала бы нас, если бы только могли мы подойти к Нему через сплошную толпу, и прикоснуться хоть к краю одежды Его.

О, эти часы томительного, страстного желания приобрести Христа! Мы готовы в ту пору пережить всякие страдания, ужасы и опасности, только бы взглянуть на Того, к Кому душа так стремится! Без рассуждения бросились бы мы в пучину морскую навстречу Ему, как Петр, — если бы только увидали лик Его, услышали бы зов Его: «Иди». Тогда Он стоял в душе на такой высоте—что ничто не могло заслонить Его, никакой золотой телец, никакой кумир! В такие минуты Христос полновластно царит в сердце. Никакое движение души, никакой изгиб ее не скрыт от Него. Все струны сердца звучат только Им Одним и, кажется, нет ни одного атома в теле, который бы не ликовал, слыша приближающиеся шаги Его.

Это—такое завидное состояние, — состояние души, не жаждущей ничего, кроме Христа, — что многие верующие, пережившие его, любят воспоминанием возвращаться к этим моментам своей жизни.

Если мой читатель твердо решил утолить свой духовный голод единственной, сходящей свыше манной — благо его душе обеспечено. Если Иисус единственная радость твоя, мужайся! Если ты откажешься от всего, кроме Христа, Христос никогда не откажется от тебя.

2. Второй признак, подающий надежду на успех, это — безусловная искренность и возвышенная серьезность настроения души. Душа горит глубоким нетерпеливым молитвенным порывом. Это не мимолетное желание, готовое ослабнуть или исчезнуть при малейшем затруднении; это не простое возбуждение, могущее со временем остыть; это — насущная потребность, глубоко внедрившаяся в сердце. Это не мимолетный вздох, которым душа, начинающая пробуждаться, платит дань красноречивой проповеди или прочтенному трогательному трактату. Это не внезапное временное решение человека, испугавшегося близкой смерти и суда Божия; нет, это молитва души, которая не может успокоиться, пока не найдет Господа; она не может не вздыхать о Нем, как не может облако устоять перед порывом ветра.

Мы, может быть, и раньше не раз уже близко подходили к престолу благодати. Но никогда не молились мы так вдохновенно, как теперь, когда душа ищет Спасителя. Молились мы раньше и свободно, и радостно, с горячей верой, молились красноречиво. Но теперь — это нечто совсем другое. Теперь душа **вся** наполнена, **вся** залита одним чувством, одним порывом: Христос! — и исходит слезами, и „истаевает" перед Ним...

Это—великие моменты!

М. Фильпот пишет: «Когда Господь сделает душу способной изливать перед Ним свои желания, слагать к ногам Его все тайные вздохи, обнаруживать всю сокровенную глубину свою, — тогда молитва уже не есть обязанность, она уже перестает быть долгом. Это — чувство, это духовное пробуждение, внутренняя работа, произведенная в нас рукою Господа; это неудержимое желание, неудержимое стремление души. Человек, упавший под тяжелой ношей, будет кричать и звать на помощь не от того, что это его долг: он **не может** не кричать. Если человек

сломал ногу, он не по обязанности зовет хирурга: он просто в нем **нуждается.** Так, если Дух Святой работает в душе человека, он молится не из чувства долга, но от полноты, от избытка сердца; потому что не может не молиться, не может не вздыхать, не взывать, потому что на сердце его лежит бремя, душа его стеснена и рвется выше, на простор. И такая молитва пройти бесследно не может: она достигает врат милосердия Божия.

И вместе с тем, она постоянно наполняет душу даже тогда, когда не выражается словами и вздохами. Так благоухание всегда наполняет кадильницу, даже и тогда, когда в ней нет огня.

Такая настроенность человека, такое его настойчивое стремление, в конце концов — побеждает. Он стучится, стучится неустанно, помня обетования, не ослабевая ни на минуту и—**овладевает благословением.**

3. Надо отметить, что слова: „О, если б я знал, где найти Его"— свидетельствуют уже о сознании человеком своей духовной несостоятельности. Вообще говоря, люди удивительно склонны считать себя компетентными в вопросах религии, имея, между тем, лишь самое поверхностное понятие об истинах ее. Никто не решится, не будучи ученым, уверенно рассуждать о научных истинах, и только о законах духовной жизни, о законах Божиих, люди почему-то считают себя в праве рассуждать таким авторитетным тоном, что вводят в заблуждение других, которые и в самом деле принимают их за выдающихся по своим познаниям и опыту учеников Христа.

Только как исключение встречаются люди действительно наученные Богом, освященные Духом.

Невозрожденные очень склонны облекаться в одежды мудрости и с высоты кафедры разбирать духовные вопросы. Если бы кто-нибудь высказал сомнение в их способности понимать духовные истины,—как бы вознегодовали они! Как стали бы обвинять в ханжестве и фанатизме с их учением не согласных.

Люди века сего создают всевозможные философские учения для пояснения Слова Божия, при свете науки рассматривая евангельские истины. Они уже не могут „быть—как дети", не могут „взять на себя иго Христа". Думая быть мудрецами, они, в сущности, безумны. Ибо— что представляют из себя их теории? Они только заслоняют собою свет Христов, подобно тому, как узоры на оконных стеклах мешают доступу свету солнечному.

Самонадеянность людей, лишенных небесного света, поистине бывает изумительной. Если они мало-мальски знакомы с языком подлинников Свящ. Писания, прочли несколько ученых книг, прослушали курс богословия,—они уже думают, что усвоили себе евангельское учение. Это все равно, как если бы человек, выучив классификацию растений, но никогда не имевший случая наблюдать их живыми—счел бы себя ученым ботаником. Богословие, кроме имен и теорий, никаких познаний человеку не дает. Только опыт, личный духовный опыт, может дать нам познание духовных истин, только свет Господа Христа озаряет их для нас.

Хорошо, если пробужденная душа сознает свою духовную неразвитость, и спросит себя: „где найти мне Господа?" Человек самому себе более уже не доверяет, он чувствует, что ему надо начать с „азбуки", и смиренно опускается к ногам Иисуса, ожидая слов Его.

Сознание невежества своего есть дверь, ведущая в храм мудрости. Унижение есть путь к славе*).

*) Проповеди Ефр. Удалля.

Сенека говорит: „Я думаю, что многие люди достигли бы мудрости, если бы не воображали, что обладают ею".

Для того, чтобы „Христос сделался для нас премудростью от Бога", мы должны вполне освободиться от всякой человеческой мудрости. Мы должны сначала признать свою несостоятельность, и тогда уже вступить в число учеников Иисуса Христа. И удивительно, как скоро Господь совлекает с нас наш собственный наряд! Вся мудрость наша исчезает, как пар, перед Ним, и мы в духовном отношении делаемся,—как дети. И тогда Он озаряет нас премудростью Своею.

Блажен человек, стремящийся ощутить „страх Господень". Он „начало премудрости".

И вот, озаренный этой Божьей премудростью, человек ощущает только одно желание: „О, если бы я знал, **где** найти Его?" Вопросы, которые осаждали его раньше, отходят на задний план. Он уже не мучится над такими вопросами, как например: „Откуда возник грех?", или „Как примирить предопределение с свободой воли человека?"... **„Где найти Его?"**—вот что единственно занимает его.

4. Одним из ценных признаков действия Духа на ищущую освобождения во Христе душу служит **отсутствие в ней желания выбирать, где именно искать Христа.** „О, если бы я знал, **где** найти Его?" Человек не ставит никаких условий, ему нужен Господь Иисус, и где бы он ни был, человек готов за Ним следовать. Приобретя известный духовный опыт, мы перестаем придавать значения различию в вероисповеданиях, в наименованиях, способах проявления духовной жизни. Раньше нам такими казались важными всякие клички и разделения! Наименование нашей церкви мы ставили выше золотых христианских правил. Мы не огорчились бы, видя поражение того или другого учения, если бы наши собственные теории расцвели на их развалинах. Мы готовы были бы пролить кровь за всякую особенность своего богослужения, отдать все, только бы сохранить свои обычаи. Нам было дорого все свое—начиная с гвоздя в церковной двери и кончая малейшей принадлежностью культа. Отвергая пышность, мы придавали чрезмерное значение простоте. Ненавидя папизм, сами были заражены его духом, потому что готовы были придать анафеме всякого, не разделяющего наших убеждений. Мы по своему—своей книгой, своим звонком, своей свечей—проклинали людей иной веры, иного убеждения. Мы едва допускали мысль, чтобы люди могли получить спасение вне нашей церкви, и что Господь Иисус, хотя бы мимоходом, посещает также и их.

Но как изменяемся мы, когда озарит нас желание—искать Христа и найти Его, где бы Он ни был! Как тогда, милостью Божией, сектантская нетерпимость исчезает в нас! Найти Христа, Искупителя душ наших!.. И мы ищем Его, ищем везде. С теми, которых мы недавно презирали и ненавидели, мы готовы сблизиться, готовы оказывать им услуги и помощь. Все представления, весь образ мыслей у нас изменяется, все тает в огне одного желания—загладить прошлое.

Делается безразличным нам и то, **где** нам поклоняться Богу. В скромном доме, или в запущенной старенькой церкви, под открытым небом, в пышном храме, или в закопченой железнодорожной станции—везде ищем мы Его. Нам все равно, кто окружает нас: люди ученые или необразованные, принадлежат ли они к какой-нибудь церковной общине, или нет. Пусть служитель Божий—не известный оратор, пусть проповедь его самая простая: но если мы чувствуем, если видим Господа Христа посреди нас—ничего нам больше не нужно. Вспоминается та, без сомне-

ния, скромная комната, где ученики Христа собрались, испуганные и взволнованные, в первые дни Его воскресения, и как тогда явился среди них Христос, со словами „Мир вам!“

Вот, чего жаждет душа!

Помню, как в дни моих исканий собирались мы вокруг постели одного больного... Скрипучая лестница с шаткими ступенями, бедная комнатка на чердаке, спертый воздух, теснота... Больной тихо говорит нам о Христе, речь его дышит такой верой, таким глубоким чувством... Мы слушаем, взволнованные, потрясенные, смотрим в окно на высокое Божье небо, усеянное звездами—и чувствуем, что здесь Он! Тут Он с нами, Тот, Кого жаждет душа!

Да! Если мы ищем Его—нас ничто не пугает и не удерживает. Пусть приходится далеко ходить, пусть приходится стоять в продолжение долгих часов богослужения, проповеди или чтения... Слышим мы Живое Слово Божье,—и не замечаем усталости; только душа горит радостью и чувствует близость Христа.

Как тогда Мария Магдалина: ей важно было только узнать, „где положили Его“. Не думая о том, будет ли это ей под силу, она говорит: „я возьму Его“.

Читатель мой! Каково состояние твоей души? Ищешь ли ты Его? Если—да, то и найдешь, какие бы препятствия тебя от Него ни отделяли.

А препятствия бывают иногда очень трудные: непонимание, унижения, оскорбления... Пусть, если в тюремной камере, стоя на коленях, на холодном полу, ты **найдешь** Христа—тогда не даром перенес ты все муки и позор.

Отбросим все **свое**: самолюбие, самомнение, скажем, полные смирения: я ничего не знаю, ничего не умею, я готов сделаться всем, чем только Христос захочет. Самый надежный признак близости Христа к нам—это отсутствие каких бы то ни было предвзятых мыслей, отсутствие сознания своих личных способностей. „Бог гордым противится, а смиренным дает благодать“ (Петр. 5, 5).

Мы по возможности перечислили все те обетования, которые даны искренним искателям Христа. Боюсь только, что на многих слова мои произведут мало впечатления, потому что „Что уксус на рану, то поющий песни—печальному сердцу“ (Пр. Сол. 25, 20). Когда больной кричит под ножом хирурга, его мало утешит, если мы ему будем напоминать, как хорошо станет ему после операции... Но мы, выведенные Христом на свободу, не в силах молчать, не ликовать и не хвалить Бога... Может быть, кто-нибудь из находящихся теперь в „темнице“, услышит голос наш, и ободрится сердцем!

Хочется сказать всем сетующим: „Мужайтесь, потому что Тот, Кто ходил в раю и воззвал к Адаму, входит часто и в твою душу и говорит сердцу твоему слова утешения и поддержки, хотя ты не всегда слышишь Его голос, не чувствуешь приближающихся к тебе Его шагов“. Ты сетуешь и плачешь, думая, что Бог далеко, и не слышит тебя, но Бог—тут, совсем близко, стоит за „тонкой стеной“ (Пес. Песн. 2, 9), слышит твой плач и говорит: „Не дорогой ли у Меня сын Ефрем?.. Умилосержусь над ним“ (Иер. 31, 20).

Мужайся же, душа, ищущая Христа: искания твои увенчаются успехом, и духовное твое настроение дает надежду на избавление. Никто, подобно тебе искавший Христа, не оставался в стыде. Ищи Его и обретешь спасенье в Нем!

II.

Рассмотрим теперь те **причины**, которые препятствуют душе в этих исканиях Бога, которые удерживают ее.

Думаю, что многие не подвигаются вперед потому, что они **не так** ищут, как следует, или потому, что ищут не достаточно **усердно**. О них я говорить тут не буду... Но ведь есть множество людей, которые **искренно стремятся** к Богу, и не могут найти Его. Такому человеку особенно мучительно—не понимать, **почему** он не находит Его?

Прошу вспомнить, одно: все, что ни делает Бог—делает Он хорошо. Так надо, чтобы „путь Господень" был „в море, и стезя Его—в водах великих" (Пс. 76, 20).

1. Часто Господь скрывает от нас лицо Свое, чтобы мы с верою старались найти Его, и чтобы взывали о помощи. Когда хананеянка обратилась с просьбой к Иисусу—Он сначала совсем не ответил ей; она настаивала; и как строго, сурово ответил Он тогда! Но это не значило, чтобы Он гневавался на нее: ему отрадно было видеть, как вера ее отчаянно боролась с Его видимым пренебрежением. Она не преминула ухватиться за Его суровые слова, которые, казалось, могли разбить всю ее надежду. Христос, видя ее решительную, дерзновенную веру, нарочно не сразу отпускает ее: Ему отрадно смотреть в эту душу... Женщина **верила** во Христа и Он хотел показать всем окружающим, на что способна такая вера.

Вера—могучая сила! Она осушает море, разрушает укрепленные города, угашает силу огня, заграждает уста львов.

Настойчивость, постоянство—вот вторая сила, которую ничто не может остановить. Без устали, в течение долгого времени, влечет она человека вперед, все вперед к цели...

Молитва—третья сила. Молитва заставляет обильные дожди проливаться на иссохшую землю... Заставляет меч гнева Господня опуститься и не поражать более.

Итак: **вера, постоянство, молитва**—вот те три избранные орудия Божии, которые помогают душе, идущей во мраке, ощупью, не видя света впереди—продвигаться по пути искания Господа.

Пойдем же уверенно вперед: Господь ожидает всякого из нас.

2. Задержка в пути может быть еще и **проявлением власти** Бога. Ведь Господь не связан ни временем, ни лицами; Он дарует свои блага тому, кому хочет, тогда, когда Ему благоугодно, теми путями, которые находит нужными.

Бывает, что молитва и ответ на нее быстро следуют одно за другим, как эхо за голосом говорящего. Тогда исполняются слова: „Прежде, нежели они воззовут—Я отвечу: они еще будут говорить, а Я уже услышу" (Ис. 65, 24). Но Господу принадлежит полная свобода действий, иногда Ему благоугодно бывает медлить ответом на наши просьбы. Милость Его иногда проявляется не сразу, чтобы люди знали, что Податель их имеет право их и не дать. В гордости нашей мы склонны думать, что Бог, сотворивший нас, имеет и обязательства по отношению к нам. Нет! смиренно преклонимся перед владычеством Его, не критикуя, не считая Его несправедливым или пристрастным. Так может думать только „ветхий" человек в нас, еще не озаренный Божественной благодатью.

Я уверен, что тот, кто сознает свою греховность, свое недостоинство—не дерзнет отрицать справедливости Божией, не дерзнет возмущаться, что Бог не посылает ему того или другого.

Прозорливец Господь не без разбора дает благодать Свою, и желает, чтобы человек это понял. Герберт говорит: „Бог никогда не дает определенной пенсии, потому что со временем пенсия утратила бы характер добровольного дара, и стала бы считаться долгом".

Это верно. Действительно, так и стали бы смотреть люди на дары Божии, если бы они посылались им по первому их желанию.

Господь ревнует о царственном праве Своем, о владычестве Своем над Своими избранными. Мы благодарим Его за мягкие и необременительные для нас способы, которыми Он охраняет Свое достоинство; и, именно потому, что Он располагает правом — навсегда запереть для нас врата спасения, — Он запирает их на малое время, для того, чтобы громче звучала Ему наша хвала, когда мы через них, наконец, пройдем.

3. Причиною задержки нашей в пути бывает часто и та проповедь, которую мы слышим. Многим из нас, в дни скорби, приходилось слышать из уст проповедника только одни слова закона, которые лишь усугубляли нашу душевную боль. Не о силе благодати, не о Посреднике между Богом и нами—Иисусе Христе—говорилось в проповеди, и потому—не пролила она в сердце наше елея утешения. Напротив: она была—как иссякший источник, как облако, из которого не проливается благодатный дождь. Проповедь красноречивая, безукоризненная по стилю, она долетала до нас, как хлопья снега, падающие на поверхность ручья и только увеличивающие количество воды в нем. Мы слышали о том, что необходимо жить добродетельно и нравственно, поступать справедливо, обходиться с ближними приветливо, что надо быть кроткими и смиренными—но все эти слова не приносили нам никакой пользы.

Один доктор советовал бедной женщине, у которой был больной сын,—увести его на воды, питать хорошенько, давать дорогого вина... А у нее и на хлеб часто не было денег.

Многие из проповедников напоминают мне этого доктора.

Я далек от желания осуждать проповедь о необходимости нравственной жизни: может быть, эти проповедники не о чем другом говорить и не умеют, и, во всяком случае, намерения их—самые лучшие. По всей вероятности—им и удается удержать от дурных чувств и поступков многих из своих слушателей. Но я утверждаю, что те, которые систематически пренебрегают возвещать ту истину, что лежит в самом основании Евангелия—не вправе считать себя и называться служителями Божиими.

Один всеми уважаемый представитель англиканского вероучения еп. Левингстон, обращаясь с речью к духовенству, сказал: „Долгое время прилагаем мы усилия, чтобы духовно просветить народ, проповедуя ему мораль. Каковы же результаты наших стараний? Полнейший неуспех. Мы только содействуем уклонению людей от пути к спасению. Нам надо изменить **содержание** наших поучений, нам надо проповедывать Христа, и Христа Распятого. Возвещать Евангелие—и только. Сила—в этом одном".

Надо, чтобы служители Божии вникали в себя и в то учение, которое проповедуют они, чтобы не причинять душам ненужных страданий и не задерживать их приближения к Спасителю.

Пусть каждый из читающих эти строки изберет себе в руководители не такого человека, который говорит красноречиво, или который известен своею обходительностью, но такого, который возвещал бы ему Евангелие Христово.

О вы, проповедники, предпочитающие философию и мораль—простой вести Евангельской! Сколько душ находится еще в рабстве из-за ваших безжизненных проповедей! Страшно вводить людей в заблуждение! Они слышат только одни обличения, и гибнут, благодаря поврежденности того учения, которое им проповедуется.

Будем же на коленях молить Бога: помочь нам говорить грешнику **только о Христе,** изображать Его во всей полноте, не проповедывать учения **без** Него.

Многие души остаются в жалком состоянии только потому, что им не достает духовной пищи. Они восклицают, как некогда Иезекия: „День скорби и наказания и посрамления—день сей; ибо младенцы дошли до отверстия утробы матерней, а силы нет родить" (Ис. 37, 3).

Да оживит же Господь Церковь Свою, и да воздвигнет Он пастырей по сердцу Своему, чтобы исполненные Духа Святого и сострадания к людям, они искали заблудшие души и возвращали их к стаду Христову. Такие пастыри существуют.

Читатель! Ищи таковых, сиди у ног их, поучайся от них, и следуй заповедям, которые они передают тебе с неба.

4. **Ошибочное понимание сущности спасения** также в некоторых случаях замедляет наступление блаженной минуты—встречи души со Христом. Природное тяготение нашего разума к **закону** делает нас неспособными постигнуть учение о **благодати.**

В нас все таится желание—чем-то помочь Христу в деле нашего спасения. Мы все еще не можем понять, что наше спасение—в Нем Одном. Как ни низко пали мы в собственных глазах, все-таки прежний корень дает росток. И, пока не уничтожен он, пока не вырван из души корень нашего самомнения и самонадеянности—нечего и ожидать, что мы приблизимся ко Христу.

Надо отдать себе ясный отчет: что такое „закон", и что такое „благодать", и не смешивать этих двух понятий.

Читатель, исследуй себя: нет ли в душе твоей этого корня, и не он ли мешает тебе приблизиться ко Христу.

Многие ожидают чуда, которое будто бы должно предшествовать их обращению... Ангел должен сойти с неба, или—пророк коснуться их, как казалось Нееману сириянину: „Омыться семь раз в Иордане"—это их не удовлетворяет, они не видят тут ничего таинственного. Не уверуете, если не увидите знамений и чудес" (Иоанн. 4, 48).

Это—неразумие. Никто не в праве рассчитывать на чудеса. Что они бывают—это несомненно: иногда Господь привлекает к Себе видениями и откровениями; но в большинстве случаев души приходят к Нему путем благодати, без всякого непосредственного вмешательства чуда. Господь не в вихре, Господь не в огне: чаще всего Он тихо, чуть слышно говорит душе нашей. Довольно того, что прощение Его получаем мы обыкновенным путем, не следует желать испытать нечто из ряду вон выходящее, потому что впоследствии это могло бы дать нам повод возгордиться, счесть себя особенными избранниками Бога.

Возрождение уже само по себе есть явление сверхъестественное, но обыкновенно оно совершается без шума. Правда, оно связано с падением многих „крепостей", но земля от этого не сотрясается... Воздвигается Богу „храм"—но не слышно при этом ударов молота. Восход **этого** Солнца никакими трубными звуками не возвещается.

Не надо нам таинственности, поражающей воображение. Мы знаем **от кого** исходят такие явления. Неужели мы допустим его влияние на нас?

Вера и **жизнь**—вот план Божий. Если бы люди отказались от своих предвзятых мыслей—они скоро нашли бы в Боге помощь своей душе! Но, ожидая необычайных знамений, которых Он никогда им и не обещал, они напрасно ищут Его, пока разочарования не приведут их к мудрости свыше.

5. Причиной задержки на пути искания Бога может быть также и **грех.** Пусть человек раскаялся, пусть не совершает **сознательного греха**, но, может быть, в сердце его таится самому ему **не видный** грех, который и мешает ему приблизиться ко Христу.

Господь хочет, чтобы все уголки храма души нашей были ярко освещены; хочет, чтобы нигде не оказалось там идолов. Иногда грех так искусно скрывается, что трудно его и увидать. А иногда он принимает вид ангела света, и вводит нас в заблуждение. Бывает и так, что мы его и видим, но очень трудно нам от него отказаться.

И вот—Господь посылает нам огорчения и испытания, которые наводят нас на мысль о нашей виновности, наличности греха до сих пор, может быть, нами и не замеченного. Огорчения должны сделать нас **чуткими** в этом отношении, чтобы мы могли изгнать **всякую** скверность из души своей.

Никогда, быть может, не испытывает человек такого отвращения к греху, как в те минуты, когда отчаивается от него освободиться; никогда так горячо не хочет победить его. И вот—Божественная Премудрость пользуется этим благоприятным моментом. Растопив сердце человека в горниле раскаяния, так, чтобы вся накипь поднялась на поверхность, премудрый Бог не дает ему остыть, пока все нечистое не будет снято с него.

Читатель, исследуй себя: причина задержки твоей на пути, может быть, кроется в сердце твоем? Ведь самая незначительная заноза поддерживает воспалительное состояние раны. Стоит ее удалить—и заживление идет быстро.

Будь мудрым. Поступай быстро, но основательно.

Будь уверен, что если **ты не отыщешь греха—он тебя найдет.** Один начальник отряда, на войне, сказал солдатам, указывая на неприятеля: „Если вы не переколете их—они переколят всех вас". Так и тут: грех победит тебя, если ты не победишь его.

6. Гораздо важнее кающемуся грешнику **стараться** получить благословение Спасителя, чем **доискиваться причин,** почему до сих пор он его не получает.

И надо помнить, что самые эти задержки и препятствия окажутся ему полезными впоследствии, так как увеличат его духовный опыт.

III.

Каким же путем сокрушенное сердце может получить мир свыше?

Когда Агарь умирала от жажды в пустыне, Бог „открыл ей глаза" и она внезапно увидала колодезь чистой воды... Молю Бога, чтобы Он „открыл глаза" и всем тем, кто изнемогает от духовной жажды. Пусть увидят они Того, Кто сказал: „Кто жаждет, иди ко Мне, и пей".

Но что надо им делать, куда итти, чтобы увидеть его?

1. Надо прежде всего, **итти туда, где можно надеяться встретить Его.** Но где же?

„Где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди их" (Матф. 18, 20).

Идите в такие собрания, где чувствуется Дух Христов. Если услышите вы, что в какой-либо церкви или общине проявляется особенное присутствие Божие—идите туда. Не пропускайте случая „увидеть и уверовать"! И Фома не усумнился бы, если бы находился с учениками в тот момент, когда Христос явился посреди них.

Лучше много раз прослушать проповедь **напрасно** и не вынести из нее никакой пользы для души, чем пропустить единственный случай, когда могут открываться ваши мысленные очи, и вы увидете свет Солнца Незаходимого.

Как нищий стоит на дороге, на всякий случай протягивая руку всякому проходящему, надеясь, что хоть **кто-нибудь** подаст—так ждите, так ищите, так добивайтесь и вы.

Старец Симеон встретил Младенца-Мессию в храме, потому что был там в ту минуту, когда принесли Его. Если бы он ушел раньше—не смог бы сказать: могу уйти с миром, ибо видели очи мои спасение Твое.

2. А затем—надо **взывать** Ему вслед.

Мы давно-давно лежим в духовном расслаблении на пути Его.

А Он идет мимо—Иисус Назорей, Господь наш милостивый... Слепой Вартимей, услыша, что проходит Он, громко кричал: „Сын Давидов, помилуй меня!" И помиловал Он, и прозрел человек...

Господи! Ты сказал: „Просите—и дастся вам"... Мы будем просить, просить неустанно—пока не получим...

Царство Божие ведь „силою берется"!

Никогда нельзя сказать, что мы „слишком много" молимся. Пусть молитва наша во всякое время возносится к престолу Божию. „Вставай, взывай, ночью при начале каждой стражи; изливай, как воду, сердце твое перед лицом Господа, лей ручьем слезы день и ночь, и не давай себе покоя, не спуская зениц очей твоих" (Пл. Иер. 2, 19 и 18).

Пусть мольбы твои неумолчно раздаются у врат небесных.

„Если будешь искать его, то найдешь Его" (1 Пар. 28, 9).

3. Надо **думать об обетованиях** Его. Они—как белое знамя, поднятое в знак мира. Они—как радиусы, которые сходятся в одной точке, в центре, в Нем—и в Нем делаются „да и аминь"! Как реки текут в океане, так утешительные речи Христа привлекают нас к Нему—в широкий океан любви Его.

Платки ап. Павла, возложенные на больных, исцеляли их. Обетования Христовы, это как одежды Его... Коснемся их—и получим исцеление...

Будем читать Слово Божие, где высказаны эти обетования; будем вдумываться в них и применять к себе.

Поднимем взор к небу откровения Иоанна... Там сияет звезда Вифлеемская. Она поведет нас к Тому, Который исполнит все свои обещания!

4. **Надо размышлять о Личности Христа и о деле Его.**

Если бы мы лучше знали Христа, мы больше верили бы в Него.

Многие жалуются, что **не могут** верить. Тут никакие убеждения, никакие доказательства, никакие усилия воли не помогут. Недостаточно **хотеть** верить, чтобы уверовать.

Единственно, что может зажечь веру в душе человеческой—это верное изображение Христа Распятого.

Надо вдумываться в тайну Его воплощения, в тайну искупления, в Его жизнь и смерть. Крест **не требует** веры—он сам ее в душе **вызывает**. Сам Христос вливает веру в сердце того, кто с благоговением размышляет о Его личности, и о деле Его.

Мы ведь верим честному человеку, когда познакомимся с ним...

Частое духовное созерцание Христа знакомит нас с Ним, и мы начинаем доверять Ему. Представим себе всю Его чудесную жизнь... Его незапятнанный чистый облик, Его любовь, Его божественную мудрость; вообразим Его в саду Гефсиманском, а потом—на залитой кровью Гаваффе; дальше—на страшной Голгофе... Встанем у подножья креста, на котором в агонии томится Неповинный, израненный, измученный... Он умирает—преклоняя голову Свою, венчанную тернием, и ужаснулись люди, и опомнились многие.

А дальше—положение во гроб, и—воскресение! Его славное, несомненное воскресение, когда Он являлся ученикам и народу. Являлся поучая и утешая, и наконец—ушел от земли, к Отцу Своему Небесному, чтобы там быть посредником между людьми и Богом.

Не может сердце устоять против всего этого!

Не может человек, вдумчиво читая обо всем этом, не уверовать!

5. Надо **решиться—довериться** Ему. Это—последний мой совет. Надо проявить мужество и отказаться от всякой надежды на спасение—помимо Господа Христа; надо всецело отдаться Ему, довериться Ему.

Необходимо сказать себе: „Я—жалкий грешник, я—ничто, но Христос для меня все во всем". И когда мы это ясно почувствуем—Он и даст нам увидеть Себя.

Может быть, вас останавливает сознание нашего недостоинства? Да не будет этого! Пусть приходит к Нему человек **такой, каков он есть:** Он силен очистить и спасти всякого. Думать иначе—значит умалять силу Его благодати.

Он **может** спасти человека, и **хочет** спасти.

Отдадимся же Ему, вручим Ему себя. Предоставим Ему спасти душу нашу—какими Он Сам знает путями.

Да воссияет на нас свет Твой, Господи!

Да поможет нам Дух Святой, да направит Он каждого из нас к Тому, в Ком свет истинный, свет Которого жизнь человеков!

К необращенному читателю.

Друг!

Только любовь к твоей душе заставляет меня высказать то, что я скажу сейчас.

Ты не ищешь Господа, ты противишься Ему.

Ты уходишь **от Него**, вместо того, чтобы итти **к Нему**.

Неужели совесть нисколько не обвиняет тебя? Ты не чувствуешь своего заблуждения? А ведь слова—„Да оставит нечестивый путь свой и беззаконник—помыслы свои, и да обратится к Господу, и Он помилует Его, и к Богу нашему, ибо он многомилостив" (Ис. 55, 7)—эти слова и это обещание относится именно к таким, как ты, относится к тебе!

Жизнь проходит так быстро! „Мы—летим"! (Пс. 89, 10). Нельзя успокаиваться мыслью, что ты „успеешь еще подумать о всех этих вещах", успеешь „найти Христа", обратиться к Нему. Кто знает: наступит ли для нас „завтра"?

Надо пользоваться сегодняшним днем, вот этим моментом, который мы сейчас переживаем.

Перед нами—вечность; перед нами—осуждение или спасение...

Что избираешь ты?

Новая тропа.

„Стезя праведных — светило".
Пр. Сол. 4, 12.

Восходит солнце над землею
Вместо лунного серпа;
Под нависшею скалою
Вьется новая тропа.
То по сумрачной долине,
В грустный мрак погружена,
То светлея на вершине,
Изгибается она.

От болот, во тьме сокрытых,
От пучины роковой
Проложил ее в гранитах
Устроитель неземной;
К лучезарному сиянью
Неизведанных высот.
К новой жизни, к ликованью
Та тропа, друзья, ведет.

Грустно странникам и трудно
По камням тропы шагать;
На окрестности безлюдной
Разрушения печать.
Но блажен, кто ту тропину
Верой смелой изберет,
Он на чудную вершину
Счастья вечного взойдет [1]).

И. С. П.

[1]) Из сборника „Песни воскресения".

ИСАИЯ

Ис. 6, 1—8.

Когда мы, читая Слово Божие, вдумываемся в отношение Бога к Его детям, нам становится ясным следующее: Господь всегда желает сообщить людям все больше и больше своей силы и благодати. Тут для Него не существует границ, кроме тех, которые, различным образом, ставят Ему сами Его дети. Лишь только они сделаются способными к новой благодати, как и двери Его тотчас широко открываются для них. Его неутомимая работа в них и над ними не прекращается, потому что сокровищницы Его полны, и Он хотел бы, по возможности, давать им эти сокровища одно за другим.

Он как бы говорит нам: „У Меня есть еще много, чего показать тебе, еще много чего дать тебе, Я только жду, пока ты сможешь вместить. Никогда не думай, что Я уже покончил с тобою, Я могу сделать несравненно больше всего того, о чем вы просите, или о чем помышляете“ (Ефес. 3, 20). Это испытал на себе Моисей; только он воскликнул: „Покажи мне славу Твою“—как Иегова уже готов показать ее ему по мере его способности. Так бывало несколько раз и с Даниилом. Вот мы видим, как этот раб Господень лежит на лице своем и молится, и вопиет (Дан. 9, 1—20) и стоит перед ним ангел Гавриил, посланный чтобы сказать ему, что случилось у престола Божия тотчас после того, как он в первый раз открыл уста свои: „В начале моления твоего вышло слово, и я пришел возвестить его тебе“ (ст. 23).

Не успел Даниил высказаться, как на небесах уже были исполнены все его прошения. Подобно этому случилось, когда он „расположил сердце свое, чтобы достигнуть разумения“. Так, мы читаем (Дан. 10, 2): „В эти дни я, Даниил, был в сетовании три седмицы дней“. Что было причиной промедления Божия в этом случае? Тот же Гавриил сообщил ему: „С первого дня, как ты расположил сердце твое, чтобы достигнуть разумения и смирить себя пред Богом твоим, **слова твои услышаны,** и я пришел бы по словам твоим“ (Дан. 10, 12).

Чистое, горячее желание и стремление бывает удовлетворено, лишь только оно возникло. Это многократно повторяется и в Новом Завете. Даже без прошения и высказанного желания, Господь наполняет приготовленные сосуды. Точно также случилось и здесь с Исаией. Господь возносит его во святилище на небесах, ставит его в Свое присутствие и заливает его Своей Славой, даже без малейшей просьбы с его стороны.

Какое же значение имеет все это для нас? Во всех сообщенных нам опытах возлюбленных Божиих драгоценно для нас то, что мы, по обхождению нашего Отца с ними, можем видеть, каков Он по отношению к нам. Нет ни одной черты любви и милости относительно кого бы то ни было из Его искупленных, которая не служила бы обетованием, что Он будет совершенно таким же и для нас. И когда мы видим Исаию, удостоившегося особенной благодати лицезреть Славу Господню, мы можем заключить, что сердце Его готово вести и нас дальше и глубже в ту же благодать. Ах, если бы мы были способны и готовы для этого! Пусть же видение Исаии научит нас.

I. Что собственно сказал Бог Исаии, дав ему видеть Славу Свою?

Прежде всего, мы можем заключить, **что Господь обнаружил ему тут Свою совершенно особенную любовь.**

Исаия уже и прежде пользовался Его любовью, он уже был высоко облагодетельствован, потому что он был чадом Божиим; и вот—Господь пошел с ним шаг дальше: Он выделил его Себе в пророка, которому непосредственно открыл Свою волю.

Таких не много, которые имеют это высокое преимущество. Их можно было бы легко сосчитать даже через протекшие тысячелетия; мало таких, которых Бог поднял до такого положения. Однако, хотя такое преимущество было не для всех, Господь имел в запасе для Исаии **еще больше, еще славнее.**

Мы читаем, что Господь берет Исаию за руку, ставит его в Свое присутствие, удаляет покрывало с глаз пророка и позволяет ему глубоко взглянуть в Свою славу. Тут увидал он Того, „Который обитает в неприступном свете“ (1 Тим. 6, 16). Он видит Его высоко превознесенным на престоле Своем, окруженным славнейшими существами небес, и слышит величественные песнопения, восхваляющие неприступную святость Его Господа. Верхи врат поколебались от глаз восклицающих, и весь дом наполнился благоуханием курения, и, он, червь во прахе, может пребывать в этом святилище, видеть и наслаждаться! Как не сказать, что это была особенная любовь, любовь, которая далеко превзошла всякую, доселе испытанную любовь.

Удивитесь ли вы, если я скажу: это именно то, чем так охотно Господь хотел бы осчастливить и нас? Послушайте, как Он высказывается об этом. Он говорит: „Кто имеет заповеди мои и соблюдает их, тот любит Меня, а кто любит Меня, тот возлюблен будет Отцом Моим, и Я возлюблю Его и явлюсь ему Сам“ (Иоан. 14, 21). Ах, если бы мы ходили отданные Ему, в послушании заповедям Его, и Он так бы приготовил нас, чтобы мы могли стать в Его святилище, и Он снял бы с нас покрывало, закрывающее от нас Его славу! Его особенная любовь сделалась бы тоже нашей участью.

Далее мы должны сказать, что Господь привлек этим Исаию в Свою особую близость. — Мы, ведь, хорошо знаем, „что водворяясь в теле, мы устранены от Господа“, и только наша живая вера уничтожает расстояние отделяющее нас от Него (2 Кор. 5, 6 — 7). Но это „устранение от Господа“ бесконечно различно у различных людей: так, что видя одних, хочется плакать, как ап. Павел (Фил. 3, 18), а когда видишь других, то на душе делается, как у Иоанна, который писал: „Я весьма обрадован, что нашел из детей твоих, ходящих в истине, как мы получили заповедь от Отца“ (2 Иоан. 4). От нас зависит, как мы стоим по отношению к Господу. Как бы слабы мы еще ни были сами по себе, но, если мы избрали Его Одного, подобно Марии, как нашу „добрую часть“, от которой и Марфа не может отдалить нас,—то у Него достаточно средств привести нас в Свою теснейшую близость.

Посмотрите на Исаию: он, покрытый различными пятнами, может пребывать там, где находятся бесгрешные херувимы и серафимы, и в то время, как они закрывают крыльями свои лица, он может взирать „открытым лицом“ (2 Кор. 3, 18). Как ясно он видит славу Господню, и видит ее так, что все, до мельчайших подробностей, может передать нам. Казалось бы, что Господь говорит ему этим: Я хочу иметь тебя в Моей близости, около Меня должен ты быть, Я хотел бы иметь дело с тобой, как некогда имел его с Моисеем, — как друг с другом (Числ. 12, 7—8).

Не испытывали ли мы иногда сильной жажды Его близости? И когда, потом, Господь приближался к нам—так ли мы встречали Его,

как должно? Будьте уверенны, Он не хочет, чтобы мы делали так, как Израиль. Он, Господь, хотел приблизиться к ним, лично иметь общение с ними, и поэтому повелел Моисею вывести их, освященных, в известный день Ему навстречу (Исх. 19, 10—11, 17). Когда же Господь приблизился, то они отступили, и стали вдали. Быстро было принято их решение и сообщено Моисею: „говори ты с нами, и мы будем слушать, но чтобы не говорил с нами Бог, дабы нам не умереть“ (Исх. 20, 18—19). Как им хотелось, так и случилось,—Израиль никогда не вступал в прямое общение со своим Богом, никогда не достиг личного сношения с Ним.

Только из вторых рук имеет он то, что когда-либо получил от Бога. Ах, если бы это осталось только у народа, который был избранным народом лишь по плоти! Но дело в том, что и многие из тех, которые „стали близки Богу Кровью Христовой“ (Ефес. 2, 13), не стоят в непосредственном общении и личном сношении с Ним Самим. Как будто они решили: **„Говори ты с нами... чтобы не говорил с нами Бог“;** и сидят они воскресенье за воскресеньем, и еще будние дни, и слушают, слушают только тех, кого они избрали, чтобы они говорили им. Бедные! они живут, питаясь не непосредственно из источника, но все только из вторых, третьих рук. Быть в Его близости, получать от Него Самого,—брат мой, сестра моя,—такова Его воля и Его намерение.

Ставя Исаию в Свою славу, Господь представил пред глаза его Свою цель. — Поняли ли мы все, какова цель Божия с нами после того, как Он искупил нас? Тысячи ходят ощупью в полутьме, и даже—в полном мраке. Сердце обливается кровью, видя, как они после того, как обратятся—живут затем бесцельно день за днем. Дитя Божие! Цель Бога относительно тебя—дать тебе возможность когда-нибудь лицезреть Его. Только будучи без пятна и порока мы сможем увидеть Его. „Старайтесь иметь мир со всеми и святость, без которой никто не увидит Господа“ (Евр. 12, 14), так звучит программа Божия о цели Божией.

Пятна, пороки не уйдут никогда, никогда, если ты не придешь в общение с Ним, в Его непосредственную близость. Также и святость останется далеко от тебя, если ты будешь далек от Него. Как Исаия, ты должен бы был уже теперь вступить на ту почву, на которой Бог может встретиться с тобою здесь, и в последствии — там. У Исаии это была почва света и святости, куда так чудно переместил его Бог. Этим Бог сказал ему: „Смотри, это Моя атмосфера, вдыхай ее, она должна сделаться и твоей атмосферой, как для всех тех, которые окружают Меня. Только на почве святости Я могу быть с тобою на земле и ты со Мною—там и здесь. Готов ли ты ходить на этой почве?

Дитя Божие, ты хочешь искупления, блаженства и славы,—хочешь ли ты их без святости, хочешь ли ты иметь их таким, каков ты есть от природы, продолжая жить на твоей собственной плотской почве, вдыхая, как все, атмосферу этого мира? — если так то, значит, ты не понял твоего Господа. Тогда ты не понимаешь ни Его искупления, ни Его блаженства, ни Его славы, потому что все это в тесной связи со святостью. Кто ожидает славы—без святости, тот сам себя обманывает. Не твое правоверие, не твое исполнение всех предписанных форм, не точнейшее посещение собраний, и не то, чему люди придают столь великий вес, имеет значение пред Богом теперь и в вечности,—все это будет деревом, сеном и соломой; пред Ним возникнет вопрос, **изобразился ли в тебе, в твоей здесь прожитой жизни, во всем твоем существе и характере — Христос?**

„Христос в вас", говорит апостол: „упование славы" (Кол. 1, 27). „В мужа совершенного, в меру полного возраста Христова" (Ефес. 4, 13), „быть подобными образу Сына Своего" (Римл. 8, 29)—вот цель Божия с нами. Если ты не любишь слышать об этом, если ты поворачиваешь спину этим Его словам и если ты считаешь тех, которые предлагают их тебе „экзальтированными", то никто не сможет помочь тебе, но бесспорно ты идешь навстречу приговору Божию. О, дай лучше, как Исаия, привлечь себя в Его близость, просветить себя и проникнись Его святостью, дай погрузить себя даже в страх и трепет при мысли о твоем жалком теперешнем состоянии, только не продолжай так жить дальше.

Но научимся далее из этого опыта пророка.

II. К чему привело его созерцание славы Божией?

Оно привело Исаию к истинному пониманию своего состояния.— Возможно ли, что даже пророк неправильно судит о своем состоянии? Здесь мы можем это видеть у Исаии, после того, как он уж порядочное время был пророком. Да, наш Бог часто должен работать очень несовершенными орудиями. Вспомним о Самсоне, о другом пророке — Ионе.

Но в то время, как Он **работает этими** орудиями, Он работает также и **над ними** и блаженны те, которые действительно дают себя обработать. Так случилось с Исаией. Лучи славы и святости Господа, в которые поставил его Бог, пропитали его ежедневную жизнь, они освятили его действия, даже его слова, и он узнал, признал и исповедал, что с ним обстоит не хорошо: **„Я человек с нечистыми устами".** Как! пророк Господень, который говорил слова откровения Божия, и, все-таки — с „нечистыми устами"? Ну, может быть, он так привык к образу своих речей, что даже не видел того, что речи эти не всегда таковы, какими им подобает быть. Мы, конечно, можем быть уверены, что он не был мужем, который вел злые речи, не был таким, который позволяет себе шутки и легкомысленные слова, — тогда Господь и не употребил бы его, как Свое орудие; но можно быть далеким от всего этого, и все же иметь „нечистые уста".

Наш Господь Иисус некогда сказал так серьезно: „Говорю же вам, что **за всякое праздное слово, какое скажут люди,** дадут они ответ в день суда" (Матф. 12, 36). Итак—пустые слова, сказанные без всякой пользы, слова, в которых попусту проводится время, должны быть далеки от святых; они оскверняют их уста. Как многие совсем не думают об этом, и часами могут плыть с другими по такому течению. Это могло случиться и с пророком. Когда же он услышал: „свят, свят, свят Господь Саваоф!" ангелов и серафимов и, может быть, захотел петь с ними вместе, то прозвучало: „молчи, твои уста не годны для этого, подумай о том, сколько праздных слов истекло из них". Слова говорим мы обыкновенно другим, и другие говорят нам, и вот там, во свете славы Господней, пророк мог оглянуться и обозреть, где, к чему, и с кем происходили его разговоры. И открылось ему, что везде, где он вращался, было порядком дня—грешить праздными словами. И, о, какое открытие; весь народ, среди которого он живет, в этом отношении—как он, и он—как они; он не составляет никакого исключения! Не правда ли, как больно видеть себя таким в непосредственном присутствии Божием?

Не должны ли бы и мы сделать то-же открытие, когда свет Божий в своей полноте прольется на нас, и на всех, окружающих нас, которые думают, как думали и мы, что так совершенно правильно, что это нор-

мальная жизнь народа Божия и вестников его? О, как много у нас причин взывать: Боже, наш Боже, просвети нас, и весь твой народ, чтобы мы убедились в грехах нечистых уст, освободились от них, и тогда научились бы от чистого сердца петь с серафимами: „свят, свят, свят, Господь Саваоф?"

Однако созерцание славы Божией повело пророка еще дальше. **Оно привело еще к истинному пониманию того, что он заслужил в своем состоянии.** „Горе мне, погиб я!" так звучит из этих нечистых уст в присутствии Господа. Можем ли мы себе представить, как глубоко потрясло его это дальнейшее открытие? Он до сих пор совершенно спокойно жил с этими нечистыми устами и не имел никакого представления, что с ним обстоит так плохо. Как многие еще думают, что, если они не имеют настоящего сознания греха, в котором они живут, если они так привыкли к нему, что совершенно машинально пребывают в нем, не замечая его, то он и не имеет никакого значения. О, как бы воскликнули все они: „Горе мне, я погиб!" если бы Бог внезапно осветил их Своим светом.

Д-р Бонар сказал некогда, говоря о бессознательных грехах: „Бессознательный грех так же губителен, как и сознательный. Если скорпион сидит у тебя на лбу со своим жалом и своей ядовитой железой, и ты этого не знаешь, то ты в такой же точно опасности, как если бы ты знал это.

И каждый грех, сознательный ли, или не сознанный, есть такой ядовитый скорпион. „Но представьте себе только, что пророк говорит: я погиб! Не судил ли он тут слишком резко? Братья мои, если бы мы только хорошо узнали грех, если бы мы поняли, что такое представляет он из себя в глазах Божиих, и если бы мы стояли в том свете, в который Господь поставил пророка, мы бы так не спросили. Если бы мы только серьезно вчитались в Слово Божие, мы увидели бы, что даже словесные грехи могут принадлежать к тем грехам, за которые гнев Божий грядет на сынов противления (Кол. 3, 6—9). Тысячи, может быть, говорят в настоящее время: это значит доводить дело до крайности, это уже—фанатизм, если страшиться каждого своего простого слова, как тяжкого греха, или нагонять тот страх на других. Люди, которые живут по плоти, не давая места Духу Святому, для которых такая поверхностная жизнь сделалась второй природой, действительно скажут так. Однако, посмотрите на пророка: как только он вступил во свет Божий—он сразу прозрел. Он уже не может далее закрывать глаз на грехи своих слов, он не прощает их больше себе, как то делают многие, которые не просили никогда за них прощения у Бога. Нет, он видит, что заслужил осуждение, вздыхает и восклицает: „Горе мне, я погиб!"

Подобное же осуждение заслужил и Моисей, из-за одного греха, который псалмопевец описывает так: „он погрешил устами своими" (Пс. 105, 33). Бог не допустил его до обетованной земли, а поселиться в ней ведь было надеждой всей жизни Моисея. Все его многократные просьбы не помогли, Господь остался неумолим. Ах, если бы только дети Господни открыли глаза свои и поняли, чего заслуживают грехи их перед Богом!

Как же подействовало на пророка Исаию то, что он сподобился созерцать Славу Божию? **Это привело его к действительному очищению от греха.** Мы там читаем дальше, что после глубокого сокрушения пророка: „прилетел ко мне один из серафимов, и в руке у него горящий уголь, который он взял клещами с жертвенника и коснулся уст моих, и сказал: вот, это коснулось уст твоих, и беззаконие твое удалено от тебя, и грех твой очищен" (Ис. 6, 6—7). Может быть грех этот долго лежал на устах пророка и ежедневно увеличивался благодаря равнодушию, и тому, что он часто его повторял; это случается со многими, которые бес-

печно идут путями Божиими. И какая милость! Теперь отнято бремя вины, одновременно—и осквернению конец. Вдумайтесь только в то великое, что здесь случилось: тот горящий уголь, который принес серафим, был взят с жертвенника Божия, где горела жертва за грех и, вместо греха, пожиралась огнем. Когда, наконец, жертва превращалась, посредством пламени, в пепел, тогда как бы в жертве уничтожался навсегда грех грешника. После того пепел был унесен с жертвенника, т. е. от лица Божия, и, таким образом, отстранено от Него все, что только могло напоминать о грехе. Но какое же действие на уста пророка должно было оказать прикосновение этого горящего угля взятого с жертвенника? Уста пророка представляли из себя оскверняющий источник, откуда исходило оскорбление Бога и гибель пророка; с этим источником и должно было случиться нечто, если все должно было притти в порядок с Богом. Потому что, какая была бы от всего польза, если бы старая вина была прощена и уничтожена, а злой источник продолжал бы извергать новые нечистоты? Уголь, пылающий огонь с жертвенника Божия, положил конец исходящему отсюда осквернению. Это был чудный, благословенный день для Исаии, он получил в нем одновременно и прощение и очищение.

Ах, если бы все дети Божии, которые многократно являются к Богу, сокрушенные своим грехом и обремененные виной, не иначе уходили бы от Его престола, как получив то и другое—**прощение и очищение!** Что поможет, если и пятна будут смыты сегодня, но уже завтра снова покроют вас? Смерть Сына Божия, которая уплатила, ваш долг там, вдали от вас, вне вас, еще прежде, нежели вы существовали,—должна коснуться вас, должна коснуться каждого источника, из которого у вас исходит грех, потому что только она есть единственная сила, могущая положить конец нашему осквернению. Не ищите **только** прощения, но в той же самой мере—очищения, ищите до тех пор, пока не получите его. Если вы честны, если вы желаете это от сердца, то вы скоро найдете, что наш Бог „верен и праведен **простит нам** грехи наши и **очистит нас** от всякой неправды (1 Иоан. 1, 9). Однако же—

III. Что было следствием этого опыта пророка?

Первым следствием была действительная пригодность его для нового служения.

Печально, что Богу приходится иногда долго трудиться над Своим уже бывшим в употреблении орудием, чтобы сделать его годным к употреблению для Своих целей, но это не удается, потому что Он ничего не хочет достигать у Своих детей насильственно, и, в конце концов, Господу приходится отбросить Свое орудие. Так случилось некогда с Самсоном, так с царем Саулом и, наконец,—со всем народом Израильским. Не так было с Исаией. Здесь Господь имел успех. Он привел Свое орудие в Свою близость, здесь оно сделалось податливым, здесь оно расплавилось и Он мог очистить его. Отныне Он мог употребить его для других, лучших и высших целей, к каким бы Он ни захотел. Совершенно так случается еще и до сегодня; некогда апостол писал к юному Тимофею: „Кто будет чист от сего, тот будет сосудом в чести, освященным и благопотребным Владыке, годным на всякое доброе дело“ (2 Тим. 2, 21). Действительно Господь имел новые намерения относительно Своего раба, думая новое дело поручить ему, потому что Он громко спрашивает вслух пророка и спрашивает так, как будто находится в затруднении: „Кого Мне послать? и кто пойдет для Нас?“ (ст. 8). Обратим только внимание:

до тех пор, пока уста пророка были нечисты, Господь молчал; эти вопросы не были оглашены; Он не мог употребить пророка для Своих новых целей. Нет, нет, Он не льет Свою чистую воду в нечистый сосуд! Посланным трижды святого Бога может быть только святой.

Вы видите, Его служение требует полной чистоты и святости. И в наши дни, как в те давние времена, приближаются к Богу неосвященные, и, как тогда Оза, простирают свои нечистые руки к ковчегу Божию, думая, что и для них есть здесь дело. Удивительно ли, что и теперь совершается то, что случилось тогда: „Но Господь прогневался на Озу; и поразил его Бог там же за дерзновение, и умер он там у ковчега Божия“ (2 Цар. 6, 6—7). Только чистота и святость делают человека благопотребным орудием для Господа, которое Он и употребит на Свое дело.

Вторым следствием опыта пророка было его личное сознание своей пригодности для Господа.

Откуда же мы знаем, что Исаия получил теперь это сознание? Мы видим это из радостного ответа, который он дает Господу на Его вопрос. Только непоколебимая уверенность, что он теперь способен ко всему, к чему бы он Господу ни понадобился, могла принудить его к такому восклицанию: „вот я, пошли меня“ (ст. 8). Это был удивительный ответ. Если бы Господь заранее совершенно точно обозначил, на что именно Ему нужен вестник; если бы задача такового была бы определена, тогда он мог бы рассчитать и сравнить свои силы, подумать—дорос ли он до такого требования, и, сообразно с этим, ответить. Теперь же он не мог знать каковы намерения Господа и какие требования будут ему предъявлены; но из этого вырвавшегося: „вот я, пошли меня“, ясно, что он совершенно уверен, что, после того, как он видел Его славу и очищение —нет ничего в великом деле его Господа, к чему он бы не был способен, коль скоро Господь пошлет его. Под ногами пророка была твердая почва. Кто мог бы поколебать ее?

Такая почва нужна также и нам, как основание для веры, если мы не хотим ошибиться, давая себя увлечь людям, подобным книжникам во дни Господа (Матф. 7, 29), или тем, кто прельщает красивыми, „вкрадчивыми словами“ (Кол. 2, 4), или увлекает философиею, человеческим учением (Кол. 2, 8), или хотел бы обольстить нас правоверною законностью (Кол. 2, 16), или поразить видом своей духовности (Кол. 2, 18), и тем увлечь от Главы—за собою. Благодарение Господу! Он дает еще и в наши дни такую твердую почву блаженной уверенности в том, что мы—годное орудие для Господа. Уверенность эту можно получить, продолжительно взирая на славу Господню и вполне очистившись от всякой скверны (2 Кор. 3, 18).

Заключительным следствием опыта пророка была добровольная и полная отдача Господу.

Ведь Господь не дал ему никакого определенного повеления, никакой заповеди, никакого приказания Ему служить; Он только задал два вопроса, на которые могли бы ответить еще и многие другие. Из тысячи тысяч, служивших Ему, и тьмы тем, стоявших перед Ним, каждый мог бы предложить себя.

А Исаия мог бы промолчать, как молчат многие и сегодня, когда слышат какое-нибудь предложение сделать что-либо, он мог бы подумать: „пусть идут другие“. Или мог бы сказать себе: „Только в том случае, если другие не отзовутся, отзовусь я“, как это иногда и случается: но он не ждал ничьего ответа или решения. Он выступил добровольно, и отдал себя в распоряжение Господу. Славное: „вот я, пошли

меня!" это именно то, чего ожидает Бог от всех Своих детей. И Он достоин услышать это от каждого из нас, которых искупил Он кровью Своей.

Братья, если Он должен бегать за нами, просить, торговаться с нами, и снова торговаться, чтобы мы служили Ему, тогда мы принадлежим к тем, о которых Он говорит: „тот не достоин Меня". Разве Он заслужил, чтобы мы так обращались с Ним? Он некогда, прежде основания мира сказал чрез Свое избрание: ты Мой. Он, через сотворение, призвав нас к жизни, сказал: ты Мой. Он, через искупление сказал: ты Мой. Также и через наше рождение свыше Духом Своим Святым запечатлел Он на нашем сердце: ты мой. О, пусть через вашу добровольную отдачу Ему последует: „Господь, я Твой, вот я, пошли Меня!"

И Он охотно употребит вас, как некогда Исаию.

И. Каргель.

„НЕБЛАГОПРИЯТНЫЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА".

С. А. Блэквуд.

„Обстоятельства мои послужили к большему успеху благовествования". — Фил 1, 12

„Жизнь или смерть, настоящее или будущее—все ваше". 1 Кор 3, 22.

Забота о будущем — с одной стороны, а с другой — та вечная тревога и суета, которыми наполнены все дни нашей жизни — вот что, как мне кажется, главным образом мешает людям жить по вере. Неверующему препятствует все это притти ко Христу; верующему—итти за Ним. Первый ссылается на неблагоприятные обстоятельства своей жизни, оправдывая ими нерешительность свою — принять предлагаемое ему спасение; второй — в тех же неблагоприятных обстоятельствах видит причину, почему он медлит „войти в землю обетованную" и получить всю полноту покоя и радости, которую дает Христос.

Когда мне случалось, беседуя с необращенным человеком, затрагивать духовные вопросы, то, кто бы человек этот ни был—богатый или бедный, молодой или старый, образованный или необразованный—всегда слышал я одно и то же: ему **некогда** вникать в эти вопросы; обстоятельства жизни складываются так, что **мешают** подумать о Боге и Его законах, о Его обетованиях, и о том, что Он зовет к Себе душу всякого человека.

Да и среди читателей этих строк найдутся, вероятно, такие, которые, искренно считая себя недостаточно развитыми духовно, вместе с тем, искренно думают, что только обстоятельства их жизни мешают им стать лучше, и чище, и ближе к Богу; если бы изменились обстоятельства, тогда и они сами стали бы духовнее...

Но как это не верно!

Я все глубже и глубже убеждаюсь в том, что обстоятельства жизни каждого человека не только **не неблагоприятны** для развития в нем духовных сторон его, но, наоборот—**эти-то** именно обстоятельства и могут **способствовать** духовному его росту. Бог не ошибается. И захочет ли Он поставить человека в такое положение, при котором этому человеку невозможно было бы притти к Нему?

Конечно, я не говорю об обстоятельствах, зависящих от **греховных** желаний и наклонностей самого человека; если человек сам, по собственному произволу, избирает общество, которое преследует преступные цели,

живет грешной жизнью,—тогда это уже **не Бог** ставит человека в такое положение, а сам он свою свободную волю употребляет на то, чтобы запачкать свою душу и отдалиться от Бога. Бог не приказывал ведь и Лоту оставаться жить в Содоме! Но если верующий человек и попадет в такую среду, которая, как он чувствует, отдаляет его от Бога — то чем скорее он постарается выйти из нее, как бы дорого это ему ни обошлось, тем лучше для его внутреннего мира и для славы Божией.

Куда бы Господь ни поставил человека, где бы Он ни допустил его быть — в Египте ли, подобно Иосифу, или в Вавилоне, подобно Давиду, или на Патмосе, подобно Иоанну, — везде он находится в таком именно положении, при котором его духовная жизнь может лучше всего развиваться. Ведь Господь — Отец наш, и заботится о нас!

Твердая уверенность в этом является благословенным источником утешения для детей Божиих. Кто из нас, среди всякого рода испытаний и огорчений, среди тяжелых утрат и горя, а также и среди менее жестоких, но постоянных, утомительных жизненных невзгод,—кто из нас не находил подкрепления в блаженной уверенности, что „любящим Бога... все содействует ко благу"—Римл. 8, 28? В самых отчаянных обстоятельствах, когда, кажется, **все** вооружилось против человека—вера хватается за это слово...

Но бывает и так: хотя мы **в идее** и допускаем, что, действительно, **все,** что́ бы ни случилось—содействует нам ко благу, все-таки, по „медлительности сердца" нашего, мы **не глубоко** проникаемся этой истиной, и очень склонны думать, что наши постоянные житейские заботы не дают нам возможности сосредоточиваться, побыть в общении с Богом... Нам хотелось бы остановить мысли на мире невидимом — но все нас отвлекает!.. Множество внешних мелочей требует нашего внимания, и прерывает возвышенное настроение наших мыслей.

Но вспомним одно: все эти внешние заботы ведь допущены Богом! Разве они не входят в понятие „все", когда говорится: „**все** содействует ко благу"? Ведь они составляют часть нашего „настоящего", о котором сказано, что оно „все—наше". Они часть того настоящего, которое не может „отлучить нас от любви Божией во Христе Иисусе, Господе нашем".

Значит—именно в них заключается в настоящую минуту благословение для нас. И, если мы верим,—то из мысли этой извлекаем для себя огромную пользу.

Обратимся к свидетельству Библии, к повести о временах древних. Кто из людей постоянно пребывал в особенно тесном общении с Богом? Человек, вся жизнь которого—мы хорошо это знаем—полна была непрестанных забот и всяких страданий. Пред этим человеком вечно вставали труднейшие задачи, требующие немедленного разрешения. Он так измучился, что обратился однажды к Богу с мольбой—лучше прекратить его жизнь, чем оставлять его изнемогать под ее бременем. „Лучше умертви меня... чтобы мне не видеть бедствия моего", говорил он: „Я один не могу нести всего этого народа"... (Числ. 11, 15, 14). Вы знаете, о ком я говорю? Да, о Моисее, „человеке Божием"... Он служит нам особенно ярким примером того, как заботы и труды, связанные с управлением двухмиллионным народом, вместо того, чтобы отвлечь человека от вопросов духовного порядка, отвлечь его от мысли о Боге—наоборот, влекли его к престолу благодати; он так говорил с Богом, так изливал перед Ним свое сердце, что о нем было сказано: „И не было более у Израиля пророка такого, как Моисей, которого Господь знал лицом к лицу" (Втор. 34, 10).

И уж, конечно, ни одно лицо человеческое не сияло так отражением божественной славы, после общения с Богом, как сияло лицо Моисея,

обстоятельства жизни которого в течение сорока лет были до такой степени трудными!

Поэтому—никогда не будем считать обстоятельства жизни своей—помехою к тому, чтобы быть в общении с Богом. Наоборот: наши обязанности, наше общественное и семейное положение, наши заботы, — все это представляет из себя как раз ту обстановку, в которой мы, именно **мы** легче всего можем возрастать в благодати и в познании Бога.

Не будем же „неверующими", но — „верующими".

Но у каждого из нас есть еще более высокая задача, чем самому возрастать в благодати. Как ни важно для нас — итти вперед в духовном нашем развитии, тем не менее мы не должны ограничиваться только одним этим эгоистическим желанием. Существует такая степень христианской настроенности, когда верующий не только занят заботою о собственном своем духовном росте и о пребывании на путях Господних, но не считаясь ни с какими внешними обстоятельствами, стремится к цели высшей — способствовать распространению Царства Божия в мире, распространению на земле благовествования Евангельского.

И здесь также важно всегда помнить, что все обстоятельства нашей жизни должны не мешать — а напротив, содействовать победоносному успеху распространения Евангелия. Все, что с нами случается, великое или малое — тесно связано с духовной нашей жизнью и с Евангельской вестью. Все „обстоятельства" нашей жизни суть — ничто иное, как только малые колесики в огромном механизме, осуществляющем предначертания Божии во Христе, и ничего не может с нами случиться без воли Божией, направленной не только на то, чтобы „все содействовало к нашему благу", но и на то, чтобы распространилось Царство Его в мире, и прославился благословенный Господь наш.

Апостол Павел говорит так: „Обстоятельства мои послужили к большему успеху благовествования" (Фил. 1, 12). А уж у него-ли не было в жизни всего такого, что скорее могло бы препятствовать проповедыванию Евангелия! Его заключали в тюрьму, жестоко били много раз; он потерпел крушение после страшной бури. Он был надолго лишен свободы в Риме... Вот каковы были его „обстоятельства". И что же? Мы видим, что действительно они послужили „на пользу" благовествованию. Если бы апостол не был заключен в тюрьму в г. Филиппах — Евангелие не было бы проповедано тамошнему темничному стражу; не случись кораблекрушения — не были бы сделаны апостолом чудеса на острове Мелите; если бы избавлен он был от „уз" в Риме — весть о спасении во Христе не была бы возвещена „знатнейшим из иудеев" (Деян. 28, 16—17) и многим, многим жителям Рима.

Так ведь и в нашей жизни! Все дни наши, все наши „обстоятельства" управляются и направляются Богом, и все может — и должно — вести к нашему духовному возрастанию, и к успеху благовествования. Нет той мелочи, нет того самого незначительного нашего поступка, которые не входили бы в общий план жизни, и не способствовали бы так или иначе исполнению предначертаний Божиих.

С этой целью нам и дается Богом все, что составляет нашу жизнь: семья, здоровье, болезни, друзья; встречи с людьми, путешествия, занятия, успехи и промахи, перемены и огорчения — все эти „обстоятельства" нашей жизни допущены Богом, чтобы чрез них осуществить дело спасения людей. Мы часто не понимаем, к чему ведет то или другое... Но самые ничтожные, повидимому, вещи имеют скрытый смысл, нам не видный. Мы огорчаемся и мучимся, когда не удается какой-нибудь наш

план, а между тем — именно эта-то неудача и нужна, и полезна, как для нас лично, так и для дела Божия на земле.

И читающий, и пишущий эти строки может, без сомнения, припомнить в своей жизни такие минуты, когда какой-нибудь, повидимому, пустой случай имел большое влияние и опрокидывал все планы: опоздал человек на поезд; нечаянно с кем-нибудь встретился; где-нибудь задержался—и вот совсем иначе повернулись обстоятельства, и привели к последствиям, которые имеют значение для вечности и послужат к славе Божией.

Поэтому, возлюбленные мои, не будем роптать на наши „обстоятельства"! Оставим их в руке Божией. Мы не можем себе представить конечного результата любого из совершающихся событий, но Бог, Которому „ведомы от вечности все дела Его" (Деян. 15, 18),—не ошибается и допускает в нашей жизни случаться тому, что не только ведет к нашему личному благу, но также и способствует успеху благовествования Его Евангелия.

Пусть злые силы стараются препятствовать нам: победа все-таки останется за Тем, Кто „уловляет мудрецов их же лукавством" (Иов. 5, 13), и обращает во славу Себе гнев человеческий (Пс. 75, 11). Он говорит: „Мое определение состоится, и все, что Мне угодно, Я сделаю" (Ис. 46, 10).

„Все служит" Ему (Пс. 118, 91). Ни одна малая птица не забыта у Него" (Лук. 12, 6). В 1-ой книге Царств, глава 9, рассказывается, как у одного человека, по имени Киса, пропали ослицы, и как это незначительное само по себе обстоятельство имело влияние на выбор царя на престол Израильский. Подобное этому совершается и теперь на каждом шагу.

Итак — никогда не должны мы думать, что „обстоятельства" наши мешают нам возрастать духовно. Ничто **не может препятствовать нам** приблизиться к Богу, потому что все обстоятельства нашей жизни—ничто иное, как крошечные звенья той цепи, которая соединяет земное с небесным.

---

* * *

Римл. 8, 31.

„Если Бог за нас, кто против нас?"
— Пусть как море зло вокруг бушует,
Средь смятенья мир душе дарует
Тот, Кто смертью нас от смерти спас!
„Если Бог за нас, кто против нас?"
— Пусть закон людской нас обвиняет,
Силен Бог, Кто все грехи прощает;
С нами Он пребудет всякий час!
„Если Бог за нас, кто против нас?"
— Пусть опять сраженье наступает,
Тщетно враг стрелою угрожает —
Защитит нас нежный Бога глас!
„Если Бог за нас, кто против нас?"
— Пусть нас скорбь и голод угнетает,
Тот, Кто наши нужды знает,
Нам открыл Своих даров запас!
„Если Бог за нас, кто против нас?"
— Сохранив в сердцах залог спасенья,
Мы войдем в чертог, где средь хваленья
Воспоем: „нас добрый Пастырь пас"!..

Н. Казаков.

МУДРОСТЬ СОЛОМОНА.

Проповедь Ф. Кулена.

«И возлюбил Соломон Господа, ходя по уставу Давида, отца своего; но и он приносил жертвы и курения на высотах. И пошел царь в Гаваон, чтобы принести там жертву; ибо там был главный жертвенник. Тысячу всесожжений вознес Соломон на том жертвеннике. В Гаваоне явился Господь Соломону во сне ночью, и сказал Господь: проси, что дать тебе. И сказал Соломон: Ты сделал рабу твоему Давиду, отцу моему, великую милость; и за то, что он ходил перед Тобою, в истине и правде, и с искренним сердцем пред Тобою, Ты сохранил ему эту великую милость и даровал ему сына, который сидел бы на престоле его, как это и есть ныне. И ныне, Господи, Боже мой. Ты поставил раба Твоего царем вместо Давида, отца моего; но я отрок малый, не зная ни моего выхода, ни входа. И раб Твой — среди народа Твоего, который избрал Ты, народа столь многочисленного, что по множеству его нельзя ни исчислить его, ни обозреть. Даруй же рабу Твоему сердце разумное, чтобы судить народ Твой и различать, что добро и что зло; ибо кто может управлять этим многочисленным народом Твоим? И благоугодно было Господу, что Соломон просил этого. И сказал ему Бог: за то, что ты просил этого, и не просил себе долгой жизни, не просил себе богатства, не просил себе душ врагов твоих, но просил себе разума, чтоб уметь судить, вот, Я сделаю по слову твоему. Вот, Я даю тебе сердце мудрое и разумное, так что подобного тебе не было прежде тебя, и после тебя не восстанет подобный тебе. И то, чего ты не просил, Я даю тебе, и богатство и славу, так что не будет подобного тебе между царями во все дни твои. И если будешь ходить путем Моим, сохраняя уставы Мои и заповеди Мои, как ходил отец твой Давид, Я продолжу и дни твои. И пробудился Соломон, и вот это было сновидение».—3 Цар. 3,3—15.

«Горе тебе, земля, когда царь твой отрок» (Еккл. 10, 16). Это слово принадлежит Соломону. Оно выражает опасность, которую может причинить государству воцарение отрока, не имеющего опыта, потому что обыкновенно молодость бывает возрастом страстей, легкомыслия и надменности. Но сам Соломон был в этом отношении исключением. Увы, его старость была несчастием для государства, тогда как лучшим временем его царствования было, как-раз, его начало. Вступая на престол, он лучше всего подтвердил слово псалмопевца: «Я стал разумнее всех учителей моих... я сведущ более старцев» (Пс. 118, 99 — 100). И самый лучший момент из его прекрасного вступления был тот, о котором рассказано в вышеприведенном тексте. Остановимся, чтобы его обсудить. Это лицевая сторона медали; дальше мы рассмотрим обратную ее сторону.

Давид только что умер, насыщенный днями, богатством и славой. Призванный быть его преемником и, как полагают, еще очень юный, Соломон укрепил себя несколькими действиями правосудия и власти. Он подавил заговоры их, которые, пользуясь его молодостью и неопытностью, хотели его свергнуть. И уже укрепившись на престоле, он вскоре обнародовал, в каком направлении он предполагает действовать. «Он возлюбил Господа» написано о нем, «ходя по уставу Давида, отца своего».

Подобно Давиду, он был глубоко благочестив. Храм еще не был построен; приносили поклонение на высотах, в особенности в Гаваоне, где еще находились скиния завета и жертвенник для всесожжения. Туда он и отправился на торжественное празднество. «И приказал Соломон собраться всему Израилю: тысяченачальникам и стоначальникам и судьям и всем начальствующим во всем Израиле главам поколений. И пошли Соломон и все собрание с ним на высоту, что в Гаваоне» (2 Пар. 1, 2—3). «И там перед лицом Господа на медном жертвеннике, который пред скинией собрания, вознес Соломон тысячу всесожжений» (там же стих 6).

К концу этого великого дня, уже зная, что его поклонение принято Господом, молодой царь уснул, с душою, переполненною святыми пережива-

ниями: он подошел к Богу, Бог подошел к нему. И вот снится ему сон: Бог явился ему и сказал: «Проси, что дать тебе».

«Проси, что Мне дать тебе»! Что-же ответит молодой царь? Перед ним находятся все сокровища земные, все царства, вся их слава, самодержавная, неограниченная власть, все великолепие, все наслаждения, о коих только может грезить воображение. Стоит ему высказать свое желание Тому, Кому все принадлежит, Кому покоряются все создания — и Он возвысит престол его до небес, унизит врагов его до ада, продлит его дни, расширит границы его государства, заставит притечь все богатства мира к его дворцу, увенчает его главу славою и сделает жизнь его сплошным наслаждением. «Проси, что Мне дать тебе»! И такое предложение делает ему Господь брани, Владыка неба и земли, предложение неслыханное, самое заманчивое из всех, какие смертные когда-либо слышали!.. Слыша такое предложение можно затрепетать, не правда ли? Невольно вспоминается другая сцена — сцена искушения... Хочется даже спросить себя — как Бог мог.. Не беспокойтесь! Бог читает в сердцах.

Выслушайте теперь ответ Соломона: «Ты сделал рабу Твоему Давиду отцу моему, великую милость; и за то, что он ходил перед Тобою в истине и правде, и с искренним сердцем перед Тобою, Ты сохранил ему эту великую милость и даровал ему сына, который сидел бы на престоле его, как это и есть ныне. И ныне, Господи, Боже мой, Ты поставил раба Твоего царем вместо Давида, отца моего; но я отрок малый, не знаю ни моего выхода, ни входа. И раб Твой — среди народа Твоего, который избрал Ты, народа столь многочисленного, что по множеству его нельзя не исчислить его, ни обозреть. Даруй же рабу Твоему сердце разумное, чтобы судить народ Твой и различать, что добро и что зло; ибо кто может управлять этим многочисленным народом Твоим?»

И в Писании сказано, что благоугодна была Господу такая просьба Соломона. Вы знаете, что Господь ему ответил, как всю жизнь он был с Соломоном, и как необыкновенно его возвысил.

Когда читаешь эту замечательную молитву юного царя, невольно является мысль, что, быть может, славу этой ранней мудрости надо приписать не столько самому Соломону, но скорее—отцу его Давиду. Если Соломон так понимает, так чувствует и того желает, если он вообще является тем, что он есть, то это только благодаря неоцененному преимуществу — быть преемником такого отца, каким был царь Давид.

Основная мысль, из которой самопроизвольно вытекает его молитва, заключается в громадности его задачи и в сознании собственной его слабости для ее выполнения. Мог ли он самостоятельно дойти до такого понимания? Мог ли бы он так хорошо понять всю обширность своих обязанностей? Как часто владыки земные, ослепленные властью, забывают о них! Мог ли бы он почувствать так непосредственно ответственность свою при управлении большим народом? Мог ли бы он так горячо желать водворить в нем правосудие, стоять на страже его интересов, забывая себя для него? Мог ли бы он, одним словом, составить себе о своем царствовании такое здравое, возвышенное, благородное суждение, и принял ли бы он так горячо к сердцу сообразоваться с интересами своего народа, если бы он не имел перед глазами мудрого управления отца своего Давида, этого превосходного монарха, этого примера для всех царей, царя «по сердцу Божию»?

Соломон чувствует глубокую потребность в помощи Божией. Рассчитывая только на нее, он прибегает к ней с доверием. Не усматриваете ли вы в этом — результатов примера Давида, отца его? Сын того, кто выразил в стольких великолепных псалмах свое доверие к Господу, знает, что «если

Господь не созиждает дома, набрасно трудятся строящие его. Если Господь не охранит города, напрасно бодрствует страж. Напрасно вы рано встаете, поздно просиживаете, едите хлеб печали, тогда как возлюбленному Своему Он дает сон». В душе его еще звучит, как музыка, сопровождающая постоянно его шаги, песнь освобождения отца его: «Благословен Господь за то, что он проявил чудным образом Свою незаслуженную милость ко мне, как будто бы я был в укрепленном месте! О, как велики благодеяния Твои, Господи, которые Ты приготовил для боящихся Тебя»! Он, так сказать, только подчиняется толчку, данному ему, восклицая в свою очередь: «Вспомни о Давиде, рабе Твоем! Вспомни обо мне, ради Давида — раба Твоего»!

Отрадно видеть молодого человека, который до такой степени желает подражать великому примеру отца своего, и смиренно ставит себя в тень его памяти. Когда видишь стольких людей, нетерпеливо порывающих с прошлым, чтобы начать новое будущее, людей, забывающих об опытах своего отца, которому они, между тем, иногда всем обязаны,—приятно видеть, что молодой Соломон цепляется за своего отца, видит в нем пример себе и не имеет другого желания, как только ходить по его следам и унаследовать его благословение. В этом, неправда ли, видно прежде всего благородное сердце?

Но, с другой стороны, какое это и преимущество — быть призванным на царство, имея такого отца, как Давид, который воспитал его, дал ему все доступное тогда образование, поставил его на путь и поручил Господу! Какое преимущество — иметь с детства ежедневно перед глазами такой пример и сохранить о нем неизгладимое впечатление на всю жизнь! Счастлив тот сын, к какой бы деятельности Господь его ни призвал, который, подобно Соломону, находит в своем отце пример для собственного поведения, и не думает о получении иного благословения, как только то, которым небо увенчало старость его отца! Люди часто глупо кичатся своим происхождением, своим именем. Но, когда это имя принадлежит человеку, справедливо уважаемому, когда оно напоминает всем о том почтении, коим пользовался этот человек при жизни, когда оно — как паспорт, с которым вы бываете всюду радушно приняты, как начало для вашей хорошей репутации, которое помимо ваших собственных заслуг ставит вас на путь, и ведет совершенно естественно по этому пути; когда оно служит вам укором, если вы поступаете не хорошо... о, тогда такое имя имеет большое значение, и является одним из самых редких благословений, с которым можно начать жизнь. А затем — какая это помощь человеку, что можно в воспоминании о своем отце найти как бы вторую совесть, сопровождающую его в течение всей жизни! Рассказывают, что польский король Болеслав носил всегда с собою медальон с портретом своего отца; в трудных и опасных обстоятельствах жизни ему довольно было взглянуть на этот портрет и подумать: «Болеслав, твой отец на тебя смотрит!»— чтобы снова обрести мужество и мудрость, которые перед этим готовы были его покинуть.

И это имеет глубокое основание. Тут проявляется закон солидарности, соединяющий людей между собой. Библия нам говорит об обетованиях, данных нам и нашим детям, и о благословениях, переходящих от отцов к сыновьям. В семьях, наследственно благочестивых и верных, замечается такое благословение Божие, переходящее от отцов к детям. Как часто святые ссылались на подобное основание, чтобы преклонить Господа к своему народу. Как часто в своих просьбах восклицали они: «Боже, вспомни Авраама, Исаака и Иакова, слуг Твоих!» А как мы часто находим в Свящ. Писании указания, что из любви к патриархам, из любви к Давиду, Бог исполнял молитвы, вознесенные за народ Израильский?

Разве все это ничего не говорит к нашей совести, братья мои? Стараемся ли мы оставить детям нашим это ценное наследство — незапятнанное доброе имя? Делаем ли все, от нас зависящее, чтобы память о нас хранила их от зла, как хранили мы их в течение нашей жизни — примером нашим?

Предположим, что смерть придет сегодня, и отнимет вас у вашей семьи: это дитя, которое вы оставляете при вступлении его на путь жизни, остается без вашего руководства; но позаботились ли вы, по крайней мере, о том, чтобы оставить ему после вас поддержку в виде воспоминания о вас? Сделали ли вы все, от вас зависящее, чтобы воспоминание это сопровождало его шаги, как внутренний свидетель его мыслей и его действий?

Когда он будет готов поддаться искушению,— удержит ли его мысль о вас, пробудит ли она его совесть? Будет ли достаточно одного этого слова: «отец мой», «мать моя», произнесенного в душе, чтобы вызвать в вашем ребенке тысячу священных воспоминаний, которых он не посмеет осквернить? А в случае падения—заставит ли его одна мысль притти в себя? Если ваш образ предстанет перед его духом, будет ли действие его подобно тому взгляду, который Господь бросил на ученика Своего Петра, после его отречения от Него, и который заставил Петра, в раскаянии горько заплакать? Если он поднимется после падения, то поддержит ли его в его хороших намерениях мысль о вас, воодушевит ли она его на правом пути, будет ли она для него тем внутренним жалом—жалом совести—которое постоянно дает себя чувствовать? Найдет ли он в воспоминании о вашей верности — ободрение к тому, чтобы самому предстать перед Господом, и усиленно, с доверием умолять его: «О Господи, вспомни о слуге Твоем—отце моем!.. Освободи сына рабы Твоей!»

Если вы в течение всей жизни заботились лишь о себе самом, то что останется от вас для вашего ребенка? Какую опору оставите вы ему, если он видит, что вы отдались духу века сего, заботясь лишь о том, чтобы увеличить ваше состояние и умножить благоденствие, что вы вполне отдаетесь вашим чувственным страстям или гневу? Что помешает ему вам подражать? Еще раз спрашиваю: не говорит ли все это к вашей совести?

Вы часто слышите призывы — обратиться к Господу, во имя ваших собственных интересов. Неужели все вышесказанное не будет для вас достаточно убедительным?

Конечно, бывает и так, что сын может обмануть ожидания самого лучшего отца. И в жизни, и в Библии встречаем мы такие примеры; но, в таком случае, ответственность лежит уже на детях, а не на нас.

Второе, что поражает в молитве Соломона, и что может служить назиданием для всех, это — его справедливое недоверие к самому себе, очень редко встречающееся у человека в его годы и в его положении: «И ныне, Господи, Боже мой, Ты поставил раба Твоего царем вместо Давида, отца моего; но я отрок малый, не знаю ни моего выхода, ни входа... Даруй же рабу твоему сердце разумное, чтобы судить народ Твой и различать, что добро и что зло».

Соломон был вполне прав, сомневаясь в своих силах. Он сознавал громадность задачи, выпавшей на его долю совершенно внезапно. Это было не малым делом — управлять многочисленным народом, обладающим таким трудным характером, как народ Иудейский, судить его, организовать его внутреннюю жизнь, урегулировать его сношения с соседними государствами. История говорит о великих монархах и правителях, выдающихся своими способностями, своим гением, своей опытностью, и которые, тем не менее, утомившись от трудов правления, добровольно слагали с себя бремя власти; не удивительно, поэтому, что молодой человек, едва вступивший в жизнь, содрогается перед величием такой задачи.

Конечно, бывает и так, что прежде, чем усмотреть тяжесть власти, люди видят лишь ее сладость и ее преимущество.

Высокое положение является всегда предметом зависти и целью мечтаний. И каким бы опасным ни было положение лиц, управляющих народами, никогда не бывает недостатка в желающих занять подобный пост. Каждый находит в нем наивысшее удовлетворение своих желаний. Одним нравится власть, другие любят славу, третьих влечет блеск и богатство, легкость достижения всевозможных целей. Всем, в глубине души, кажется, что быть очень могучим, очень богатым и очень прославленным значит — быть трижды счастливым.

Заметим, кроме того, что если счастье правителей может быть более чем сомнительным в дни демократической цивилизации, которую мы переживаем,— этого вовсе нельзя сказать про времена Соломона. Наоборот! Никогда монарх не вступал на престол при более благоприятных условиях. Давид, умирая, оставил государство в цветущем состоянии. Все затруднения, могущие встретиться на пути его преемника, были, так сказать, заранее устранены. Враги Израиля были уничтожены. Границы государства сильно расширены. Мир царил во внешних сношениях. Нескольких попыток возмущения нельзя принимать в расчет: о них Соломон знал с первых же дней своего царствования и они были быстро ликвидированы. Мир повидимому прочно установился внутри страны. Громадные богатства были скоплены. Все соседние правители искали, как особой милости, заключения мира с молодым царем. Одним словом, редко высшая власть обладала такими прочными гарантиями и такими средствами, какие нашел Соломон, когда принял эту власть в свои руки.

Прибавьте к этому возраст молодого царя. Старик, привыкший размышлять о превратностях человеческой жизни и рассматривать все глазами опыта и мудрости, мог бы, конечно, различить по первым же их проявлениям признаки затруднений и обольщений, которые встретятся впоследствии. Но в возрасте мечтаний, в возрасте, когда все блестит, все кажется приятным, в том возрасте, когда к жизни относятся с доверием и надеждою, и заранее сглаживают все трудности, чтобы видеть лишь легкие стороны вещей,— у кого из нас не закружилась бы голова? Какой юноша в положении Соломона не подумал бы: я богат, живу в изобилии, ни в чем не нуждаюсь... а еще менее нуждаюсь в мудрости и советах!..

А вот, между тем, единственная мысль, которая овладевает им — это сознание своего бессилия и своей слабости, сознание своей неопытности перед тою задачею, которая на него возложена. Он отдает себе ясный отчет, что ему необходима мудрость, сходящая свыше: «Я отрок малый, не знаю ни моего выхода, ни входа. Дай мне премудрость и знание, дай мне сердце разумное».

У нас, рядовых людей, нет ни тех трудностей, которые были у Соломона, ни тех соблазнов, которыми его жизнь была переполнена. Нам не приходится управлять царством, и мы не окружены льстецами, влияние которых бывает так пагубно, развивая в человеке гордость. И мы самоуверенно идем вперед, не испытывая потребности в благодатном ниспослании нам мудрости, о которой исключительно просил у Бога Соломон. Это — большая наша ошибка.

Жизнь хотя и в обстоятельствах менее сложных и исключительных, чем жизнь Соломона, все-таки есть ничто иное, как долгое путешествие по неизвестной стране, где на каждом шагу — препятствия, а кругом—всякие враги, и духовные, и телесные.

Тысячи различных дорог открываются перед нами, перекрещиваясь во всех направлениях, образуя настоящий лабиринт; из всех этих дорог лишь

одна хороша; остальные же, какими бы легкими и заманчивыми они ни казались, неизбежно ведут к опасностям, или осложнениям; некоторые же — прямо к пропастям и безднам... Кто же укажет нам ту единственную хорошую дорогу? Кто будет руководить нами, чтобы мы не свернули на опасные тропинки?

Мы не одни: мы идем со спутниками, интересы которых часто скрещиваются с нашими, которые имеют на нас влияние, действуют на нас, хотим ли мы этого или нет, в хорошую или дурную сторону; действуют своим примером, своими советами... Кто нас научит, как нам следует себя вести во множестве сложных обстоятельств, когда наша жизнь смешивается с чужой жизнью?

Призванные к тому, чтобы итти к бесконечно-удаленной от нас цели, мы не в состоянии предвидеть даже самых близких к нам событий. Мы не имеем понятия о последствиях самых незначительных наших поступков или слов. Что нам делать, и чего страшиться? Что нам полезно и что нам угрожает? Не знаем!

Кто возьмет нас за руку, кто будет руководить нами?

То же самое неведение, то же бессилие ощущаем мы и в мелочах нашего поведения и во всем направлении нашей жизни, взятой в целом. У каждого из нас есть свое призвание, и у каждого из нас свои особые затруднения, которых мы заранее усмотреть не можем. Неужели мы, как Соломон, не чувствуем своего бессилия и не скажем, как он: «Господи, не знаю я ни моего входа, ни выхода.., Дай мне, рабу Твоему, сердце разумное».

Нам приходится воспитывать детей. Это такое великое сложное дело, требующее столько такта, столько уменья разбираться во всяких характерах и обстоятельствах! Всякое наше действие или слово может иметь такие важные последствия! Самые вероятные догадки так часто бывают обмануты! Кто из нас, если мы честно относимся к своей задаче, не чувствует себя в сто, в тысячу раз ниже ее? И неужели мы не воскликнем: «Господи, я ничего не знаю, ничего не могу предвидеть! Даруй мне разум, даруй мне сердце разумное!

У нас есть прежде всего душа, которую надо спасать. Мы должны понять, что это является для нас единственно необходимым. Но тут же надо отдать себе ясный отчет в тех опасностях, которые следует нам избегать в жизни, в той борьбе, которую придется вести, в тех врагах, которых надо одолеть, в завоеваниях, которые мы должны сделать, в победах, которые обязаны одержать. И не можем мы не почувствовать своего полного бессилия перед этими задачами. А если еще случится нам призадуматься над некоторыми местами из Свящ. Писания, которые так соответствуют нашему ежедневному опыту, например: «Со страхом и трепетом совершайте свое спасение» (Фил. 2, 12), «Царствие Божие силою берется, и употребляющие усилие восхищают его» (Матф. 11, 12), или «Праведник едва спасается» (1 Петр. 4, 18), то мы содрогнемся, и с горячей мольбой обратимся за помощью к Богу: «Господи! даруй мне сердце разумное! Я ведь отрок малый, не знающий как мне надо поступать».

Если же этой нужды в помощи свыше мы не чувствуем, не чувствуем потребности в свете, который осветил бы наш путь, — то это происходит от того, что мы большею частью живем не вдумываясь, живем изо дня в день, без внимания.

Научимся же от Соломона серьезно, вдумчиво смотреть в будущее, не для того, чтобы его боятся и заранее в нем отчаяваться, не для того, чтобы заботиться о завтрашнем дне, но чтобы понять наше полное бессилие предвидеть что-либо и научиться говорить Господу, как говорил юноша Соломон:

«Господи! Дай мне сердце разумное!» и Он даст нам его, ибо Он лучше нас знает, в чем мы имеем нужду, и обещал: «Если же у кого из вас не достает мудрости, да просит у Бога дающего всем просто и без упреков, и дастся ему!» (Иак. 1,5).

Но помоги нам, Господи, сначала **понять, что мы нуждаемся в этой мудрости!**

Третья черта, которая поражает в молитве Соломона, это — его верная оценка блага мира сего.

На предложение Всемогущего — «Проси, что́ мне дать тебе» — он не ответил, как всякий бы ответил на его месте: «Прошу долгой, счастливой жизни, славного царствования, богатства»...

На склоне дней своих Соломон, человек огромного житейского опыта, устав от всех наслаждений земных, пришел к заключению, что в сущности, все они — пыль и прах, и красноречиво выразил это в своем знаменитом изречении: «Суета сует, и всяческая суета». Но оказывается, что он и начал свою жизнь с того, что мудро поставил все земное на надлежащее место. Не презирал он, конечно, благ земных, но не делал их предметом страстного своего стремления, Господь дал ему часть этих благ и наслаждений и он и не мечтает о большем. Он не желает их умножить, не опасается их потерять, он боится только одного: что не сумеет сделать из них надлежащего употребления; и потому просит у Бога того богатства, которое превосходит по своей ценности все сокровища земные... «Даруй, Господи, рабу Твоему премудрость и знание!»

Как нам надо на это обратить внимание, как надо об этом подумать, читатели мои! Мы живем в таком веке, когда люди, повидимому, вполне присоединяются к молитве Иависа: «о, если бы Ты благословил меня Твоим благословением, распространил пределы мои, и рука Твоя была со мною, охраняя меня от зла, чтобы я не горевал!» (1 Пар. 4, 10). Благословение понимается лишь в материальном и временном смысле. Мы желаем, чтобы другие были мудры. Гремим против роскоши богатых классов, против зависти бедных; вопим о пороках цивилизации, о поклонении деньгам и наслаждениям; исповедуем христианство, хотим просвещать народные массы и ускорить пришествие Того, Кто сказал, между тем: «Царство Мое не от мира сего. Продавайте имения ваши и собирайте себе сокровища на небесах».

А, в сущности, каких же собственно сокровищ ищем мы прежде всего для себя и своих детей?

Если бы нам Господь сделал такое же предложение, какое некогда сделал Соломону: «Проси, чего дать тебе», и если бы это было не днем, при людях, когда нас мог бы удержать стыд, а ночью, когда мы одни — каков бы был наш ответ? Наш искренний ответ, выражающий наши истинные чувства? Надо сделать выбор между всеми радостями земными. Кто бы из нас, после тщательного исследования самого себя, сказал: «Господи, дай мне мудрости. Не прошу я у Тебя ни богатства, ни светских успехов, ни славы... Дай мне необходимую для меня благодатную силу, чтобы добросовестно делать то дело, на которое Ты меня поставил, Твое дело на земле. Этим ограничиваются все мои желания, и только этого дара я и прошу у Тебя». Думается — не многие сказали бы так. Скорее — вот каковы бы были наши просьбы: «Господи, возвысь меня над другими людьми, даруй мне такие способности, чтобы я мог иметь успех в избранной мной профессии; дай, чтобы я быстро достиг славы, которая кажется мне самой яркой из всех радостей земных; если встретятся соперники на моем пути, то, хотя бы они были моими лучшими друзьями, помоги мне их свалить, и устранить во что бы то ни стало». Так сказал бы молодой человек. «Господи, дай мне внешние

преимущества красоты, грации, ума, дай мне все то, что льстит тщеславие, дай мне все, что позволяет жить, как можно меньше работая; дай мне возможность блистать и возбуждать зависть». Таковы могли бы быть желания и молитвы молодой женщины. «Господи, помоги мне в моих предприятиях, чтобы мог я расширить родовое имение мое; помоги мне достигнуть высокого, видного положения; помоги мне и детям моим создать такое же положение; помоги мне ввести их в самый высший слой общества»... Такая молитва могла бы возникнуть в сердце человека даже весьма положительного, весьма уважаемого христианина.

Не буду продолжать. Много печальных и позорных тайн открыли бы мы, если бы могли заглянуть в сердца человеческие! И мудр Господь, что не вводит Он нас в искушение, дозволяя делать выбор, как дозволил Соломону. Мудр Он, что держит нас под опекою и распределяет Свои дары, не сообразуясь с нашими тайными желаниями, но действует по Своей воле — доброй и совершенной. Мысли Его — не наши мысли.

И если мы знаем хоть немного самих себя, как нам не удивляться и не восхищаться ранней мудрости Соломона, который в сердце своем на вопрос Бога нашел только один ответ: «Господи, даруй рабу Твоему сердце разумное».

И смотрите, какой благостный ответ дал Бог молодому царю: «За то, что ты просил этого, и не просил себе долгой жизни, не просил себе богатства, не просил себе душ врагов твоих, но просил себе разума, чтобы уметь судить, вот Я сделаю по слову твоему. Вот, Я даю тебе сердце мудрое и разумное, так что подобного тебе не было прежде тебя и после тебя не восстанет подобный тебе. И то, чего ты не просил, Я даю тебе, и богатство и славу, так что не будет подобного тебе между царями во все дни твои. И если будешь ходить путем Моим, сохраняя уставы Мои и заповеди Мои, как ходил отец твой Давид, Я продолжу и дни твои».

Вы знаете, как это обещание было чудесно исполнено; как с момента вступления Соломона в Иерусалим, царь доказал свою мудрость в знаменитом суде. Как он был посвящен во все знания своего времени; как он сочинил огромное количество книг, из которых несколько сохранились до нашего времени и просвящают мудрость народов; как слава его распространилась далеко, так что стекались со всех концов земли люди, чтобы поговорить с ним и послушать его. Как царица Савская, пораженная всем, что увидала, засвидетельствовала о нем, сказав: «Блаженны люди твои и блаженны сии слуги твои, которые всегда предстоят перед тобою и слышат мудрость твою» (3 Цар. 10,8). Вы знаете, каково было и великолепие двора Соломона, и как подтвердилось на нем то, что сказал Господь: «Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам» (Матф. 6,33).

Все это вы знаете, но одна мысль вероятно встает уже как облако в вашем уме: как же такой мудрый человек мог позволить себе впоследствии увлечься, мог поддаться искушению? Как он мог опуститься до распутства и грехов, которые загрязнили конец его жизни? Как он мог забыть Бога и впасть в идолопоклонство? Важный вопрос, но о котором я хочу только вскользь упомянуть сегодня, и который займет нас в следующей беседе. Прежде чем говорить о «безумии» Соломона, надо было вспомнить, в чем состояла его «мудрость».

Поэтому я ограничусь сейчас двумя замечаниями общего характера. Первое: научимся быть довольными тем уделом, который Бог дал каждому из нас в этом мире. Нет сомнения, что исключительный жизненный успех царя Израильского был для него западнею. Непрерывное земное счастье льстит гордости, усыпляет бдительность, умножает опасности для нашей души, заставляя ее забывать о смерти. Успех кружит голову человеку, и он пере-

стает замечать, что стоит на краю пропасти греха. Легкость удовлетворения дурных похотей плоти и сердца приводит к тому, что дает этим похотям страшную и почти непреодолимую власть над нами... Безумцы! Мало ли мы видим примеров, когда богатство делает людей жестокосердными, развивает в них чувственность, и все-таки—мы позволяем себе беспрестанно в глубине сердца желать обладать богатством. С большим легкомыслием мечтаем мы: «О, если бы я был богат!» Если бы вы были богаты, читатель мой, кто поручится, что вы не стали бы «дурным богачем»? Никогда не надо говорить: «Ни за что не впал-бы я в этот грех! Никогда не поддался бы этому искушению!» В каждом из нас есть материал для **всех** падений. Поэтому—слава Богу, что Он не дает нам возможности выбирать свою судьбу и тем самым не вводить нас в искушение—избрать плохо.

Второе мое замечание относится к нашему духовному состоянию, которым мы, быть может, менее недовольны, чем внешней жизнью нашей. Мне нет надобности эту мысль развивать. Всем понятно, что мы заботясь о внешнем и житейском, большею частью не видим своих внутренних недостатков. Почти тридцати-вековая история народа Израильского служит ярким тому примером.

На подножии золотой статуи царя Соломона надо выгравировать слова Господа нашего Иисуса Христа: «Бодрствуйте и молитесь, чтобы не впасть в искушение» (Матф. 26,41), и слово ап. Павла к Коринфянам: «Кто думает, что он стоит, берегись, чтобы не упасть» (10,12).

* * *

Чем доле я живу, чем больше пережил,
Чем повелительней стесняю сердца пыл,
Тем для меня ясней, что не было от века
Слов, озаряющих светлее человека:
„Всеобщий наш Отец, Который в небесах,
Да свято имя мы Твое блюдем в сердцах,
Да придет Царствие Твое, да будет воля
Твоя, как в небесах, так и в земной юдоли,
Пошли и ныне хлеб насущный от трудов,
Прости нам долг: и мы прощаем должников,
И не введи Ты нас, бессильных, в искушенье;
И от лукавого избави самомненья".

А. Фет.

* * *

Все зыбко в жизни сей проточной,
Все тленью дань должно принесть,
И радость быть должна непрочной,
И роза каждая отцвесть:
Что будет, — то в дали заочной,
И ненадежно то, что есть.
Одни молитвы не обманут
И тайну жизни изрекут,
И слезы, что с молитвой канут
В отверстый благостью сосуд,
Живыми перлами воспрянут
И душу блеском обовьют.

П. К. Вяземский.

ТИХИЕ БЕСЕДЫ О МОЛИТВЕ.

С. Гордон.

I. ЗНАЧЕНИЕ И ЗАДАЧА МОЛИТВЫ.

4. Считается ли Бог с молитвою смертного? [1]).

Как дает Бог.—Мне могут возразить, что свидетельство Слова Божия не подтверждает мною высказанного взгляда на молитву.

Напомним себе несколько общеизвестных изречений часто приводимых в пример: «Воззови ко Мне и Я отвечу тебе, покажу тебе великое и недоступное, чего ты не знаешь» (Иер. 33, 3). «Призови Меня в день скорби; Я избавлю тебя, и ты прославишь Меня» (Пс. 49, 15). «Просите, и дано будет вам; ищите, и найдете; стучите и отворят вам» (Матф. 7, 7). Все эти изречения как бы указывают на то, что, как это и принято думать, молитва наша, во-первых, оказывает на Бога влияние и, во-вторых, что настойчивость и неотступность в молитве заставляет Бога услышать ее. Не сразу отвечая на молитву, Бог по мнению многих, тем самым испытывает нашу веру и совершает Свое дело в душе нашей. **Отчасти** объяснение это совершенно правильно, но именно только отчасти. Если же принять в соображение **всю** истину, объяснение это коснется лишь небольшой ее части.

Лучше всего мы научаемся понимать Бога посредством сравнений. Конечно, сравнение не может дать полноту знания, но все-таки оно оказывает нам пользу в познавании Бога. Узнавая самих себя, мы доходим до познания Бога.

Дадим же себе отчет, как, в сущности, **благотворят** обыкновенно люди?

Существуют три типа людей дающих.

Вот, например, человек, то или другое дающий под влиянием внешних обстоятельств. Если удастся затронуть его больное место, если он видит, что его щедрость возвысит его в глазах людей, создаст ему положение в обществе, или сблизит его с влиятельными людьми,—тогда он поддается просьбам и начинает давать деньги, отдельным ли лицам, или целым учреждениям; давать сперва неохотно, затем уже и легко. Это—один тип людей дающих.

Существует и второй тип: они щедры от природы, от всего сердца желают облегчить жизнь другим. Они рады всякому случаю помочь нуждающемуся; внимательно относятся ко всякой просьбе о помощи, и убедившись в ее необходимости, охотно ее оказывают.

Но существует еще и третий тип людей дающих, тип, встречающийся весьма редко. Человек этого типа идет дальше второго: он самостоятельно, по своей **собственной инициативе** оказывает помощь людям. Он вглядывается в окружающих его, наводит о них справки, вникает в их положение; он **вдумывается** во все многочисленные и разнообразные нужды своих ближних; решает, где именно деньги его принесут наибольшую пользу, и туда их и отдает. Но при этом некоторые люди могли бы злоупотребить его деньгами, распорядиться ими неразумно или иначе, чем он это находит нужным. И вот, человек этот заключает известные условия с теми, кому приходит на помощь, с целью вступить с ними в дружественные сношения. Вот, например, человек, сердце которого горит желанием поведать благую весть о Спасителе миллионам живущих в Китае язычников. Для этого он жертвует работающей в Китае христианской миссии известную сумму денег, будучи уверен, что миссия сумеет разумно ею распорядиться, и тем осуществить заветное желание его сердца. Другой человек такого же типа жертвует большую сумму денег в христианское общество, все заботы которого направлены к созиданию здо-

[1]) См. «Христианин» № 2—1927 г.

ровой духовной атмосферы для молодых людей, живущих в том или другом городе. Благотворитель имеет полное доверие к этому обществу, и потому передает все дело ему.

Третий человек приходит к заключению, что чтение хороших книг может иметь благотворное влияние на жителей его города. И вот он жертвует в городские библиотеки деньги на приобретение полезных книг. И тысячи людей, стремящихся умножить свои знания, повторяют с благодарностью имя человека, даром котором они пользуются. Во всех этих случаях жертвователь преследует цель — принести известную пользу людям, ему близким по тем или другим с ними общим интересам.

Всякая попытка человеческая изобразить личность Бога всегда далека от истины. Но из трех упомянутых нами типов людей «благотворящих»— один только тип дает нам некоторое представление о том, как дает Бог. Я убежден, что, как это ни странно, **большинство людей** неосновательно придерживаются мнения, что Бог отвечает на молитвы людские подобно тому, как дает первый из описанных нами типов людей. Многие думают быть может и так, что Бог дает ответы на молитвы, как второй нами описанный тип. На самом же деле Бог дает совершенно иначе, и **третий** тип человека дающего—больше всего подходит для сравнения. Господь наш невыразимо скорбит о блудном Своем сыне, о бедном, от Него отпадшем, мире, о всяком отдельном человеке, в нем живущем. Он жаждет стереть с него наложенную грехом печать, и возвратить ему первоначальный его образ. Он это совершает по Своей инициативе. Но все, что Богом делается для человека, должно делаться с согласия самого этого человека, без малейшего насилия над ним.

Делу Божию мешают различные препятствия; не будучи непреодолимыми, они, однако многочисленны, и часто не легко устранимы. Сильный, лукавый князь мира сего в совершенстве обладает искусством подчинять себе души человеческие. Он умеет сбивать с пути и ослаблять волю человека, умеет притуплять совесть, усыплять ум. Грех не только омрачил жизнь: он извратил разум, подорвал волю и помутил духовный взор. Вот почему Богу трудно подействовать на человека с волею извращенною и ослабленною.

Но как ни труден для Бога доступ к сердцу человеческому—когда оно Ему откроется, Бог отвечает на его зов. «Воззови ко Мне, и Я отвечу тебе, покажу тебе великое и недоступное, чего ты не знаешь». Если человек к Богу **взывает**, он, значит, уже обратил к Господу лицо свое. Воля его проявила свое действие, и действие двойное: она отвернулась **от** того, чему она служила раньше, и обратилась **к** Богу. Все заключается в одном шаге, но шаге знаменательном. Взывание к Богу человека свидетельствует о тождестве и согласовании цели Божией и цели человеческой. Проситель окружен трудностями и жаждет свободы. Бог давно уже провидел эти трудности и жаждал освободить его от них. И вот, настал момент соглашения воли Божией с человеческой: чрез волю, которую человек отдал в руку Божию—Бог приводит в исполнение Свое намерение.

Вековечный вопрос.—Во все века люди задавали себе вопрос: влияет ли на Бога молитва наша? Кажется ни один вопрос не обсуждался так усердно и так серьезно, как этот. Скептически настроенные ученые категорически ответили на этот вопрос: «нет». Но христиане, изучившие Слово Божие и сильные верою, также положительно произнесли «да». И, как это ни странно покажется, но и те и другие были правы. Правы не в том, что они утверждали, правы не во всем том, во что они верили, правы не во всем процессе мышления, но правы в своем заключительном коротком слове «нет» или «да». В одном смысле, действительно, молитва не оказывает влияния на Бога; в другом же смысле—она, наоборот влияет на Него. Она не изменяет

Его намерения, но вызывает Его действие. Все о чем принесены были Богу молитвы, — я имею в виду конечно только то, что согласовалось с благою волею Его,—все это Бог уже намеревался совершить, и только отсутствие нашего согласия на это мешало Ему выполнить Свои намерения. Когда мы постигаем цели Бога и молимся об осуществлении их, мы даем Ему возможность действовать. Действие это двойное: по отношению к человеку и по отношению к сатане. Мы даем Богу свое согласие. Наше согласие побеждает сопротивление сатаны. Оно открывает путь Богу, очищает путь этот от препятствий. Таким образом получается для Бога свобода действия, уже заранее предначертанного в планах Его о нас.

Дальнейший вопрос—об устранении иногда законов природы—является вопросом второстепенной важности. Законы природы суть ничто иное, как обыкновение Божие так или иначе распоряжаться подчиненными Ему силами. В них не скрывается планов Божиих. Планы Его относятся к фактам характера нравственного. Что солнце будет светить немного дольше обыкновенного в известном месте земли, это для Бога вещь самая легкая. Богу не требуется делать усилия, чтоб это совершить, потому что все безусловно Ему подчинено. Это не входит в Им намеченные цели которые касаются гораздо более серьезных вещей. Земные обстоятельства, создавшиеся вследствие грехопадения, требуют иногда подобных изменений законов природы для выполнения Богом плана, намеченного Им для человека.

Критические обстоятельства изменяют порядок действий и Божьих, и человеческих. В них познается сила. Если идущий по дороге человек вдруг, без всякой причины, бросит на землю свою ношу, побежит ни с того ни с сего на середину оживленной улицы и, потеряв по дороге шляпу, начнет что-то поспешно собирать с земли, мы скажем, что человек этот не в своем уме. Но если он таким образом бросится спасать из под копыт лошади или из под колес экипажа едва стоящего на ногах ребенка, никому и в голову не придет его за это критиковать; всякий, напротив, будет любоваться его мужеством, стремительностью его движений и, затаив дыхание, со страхом ожидать результата его усилий спасти ребенка. Критические обстоятельства вызывают необычайные поступки. Критические обстоятельства объясняют ими вызываемые действия и дают удовлетворительное объяснение тому, что иначе объяснено быть не могло бы.

Грех поверг мир в положение поистине критическое. И только под глубоким захватывающим впечатлением этого факта делаемся мы мужами молитвы, и людьми дела. Только проникнувшись сознанием этой страшной истины, начнем мы понимать действия Божии в мировой истории и в наших личных переживаниях. Величайшее событие, когда-либо совершившееся на земле—крест Голгофы—есть действие Божие, вытекающее из критического положения вещей.

Тот факт, что молитва не изменяет намерений или мыслей Божьих, открывает всю нежность дивной любви Господней.

Положим мне очень чего-нибудь хочется, и при том я действительно в этом нуждаюсь. Я обращаюсь с молитвой к Богу, прошу Его об этом. И, допустим, что Бог медлит ответить на мое прошение. Но я не перестаю молиться, и настоятельно прошу Господа дать мне просимое. Бог видит, что я серьезно отношусь и нуждаюсь в том, о чем прошу, и вот Он отвечает на молитву и дает мне по нужде моей. Разве не свидетельствует и это о дивной любви милосердного Бога, внимающего мольбе, и на нее отвечающего? Конечно—да. Как часто дети также настойчиво просят о чем-либо отца или мать. И всякий раз, когда его просьба исполнена, ребенок говорит самому себе: «Как добр отец мой; он дал мне то, о чем я его просил».

Предположим другое: предположим, что Бог все время обо мне думает, составляя для меня чудные планы, желая дать мне многое из сокровищницы Своей. Но в премудрости Своей Он мне этого не дает, потому что я не сознаю своей нужды, не протянул руки для получения Его дара; если я получу его раньше, чем почувствую в нем потребность, я могу его и не оценить, могу им злоупотребить, могу не суметь извлечь из него пользу. Когда же я почувствую и сознаю эту свою нужду, когда я ее Ему открою—с какою радостью, видя происшедшую во мне перемену, дает Он мне просимое! Признайтесь, что во втором случае Бог представляется нам более любящим Отцом, нежели в первом случае. **Так**, именно **так** и дает Бог. Господь Иисус говорит: «Знает Отец ваш, в чем вы имеете нужду прежде вашего прошения у Него» (Матф. 6, 8). Он Отец наш; Он любит нас, как самая нежная мать (Ис. 49, 15). Если Он **знает**, что на то или другое нужно, Он **уже решил** нам это дать. Поэтому, когда я чего-либо прошу у Бога для себя лично, мне важно знать: сознаю ли **я**, что я нуждаюсь в том, в чем **Бог** знает, что я имею нужду? Стремлюсь ли я к тому, что Он жаждет дать мне?

Будем также помнить, насколько неизмеримо выше намерения Его относительно нас—всех самых разумных и благих намерений лучшего из земных отцов. Не заботится ли любящая мать о всех нуждах своего ребенка, о его пище, одежде и всех его удобствах? Так заботится и Бог: только Он бесконечно милостивее и мудрее лучшего из нас. Иногда мне приходит мысль: если бы Бог сказал мне: «Я хочу тебе дать то, чего особенно желает сердце твое; Я хочу тебе сделать подарок, потому что Я тебя люблю; чего хочешь ты, чтобы я дал тебе»? Знаете какой бы был мой ответ Богу? «Не буду, Господи, выбирать; реши этот вопрос **Ты** Сам. **Твой** выбор будет и моим выбором». Бог постоянно думает и печется обо мне. Он знает мои мысли, знает, что мне было бы особенно приятно получить; Он так любит меня, что непременно выбрал бы для меня лучше всего, что мог бы придумать я сам. Таков наш Бог. Молитва конечно не меняет и не может изменить намерений такого Бога. Мы можем у Него просить всего хорошего и полезного, потому что дать нам это входит в планы Его. И однако же молитва меняет **действия** Божии. Потому что Бог не хочет нам ничего давать против нашего желания и наше согласие на получение Его даров, выражающееся молитвою, дает Ему возможность приводить в исполнение то, что для нас уже Им намечено.

Величайшая молитва. Есть молитва выше всех других. Она лежит в глубине каждой истинной молитвы, внушенной Духом Святым. Господь Иисус дает нам ее в той единственной молитве, которую Он нам оставил. Небольшое, по своей краткости, прошение это велико по своей силе. Всего четыре слова: «Да будет воля Твоя». Да проникнется же наше духовное существо всем ее великим значением!

«Твоя». Бог, с одной стороны—премудр; в этом понятии заключается все, что мы подразумеваем под «нравственной силой», под «Божественной проницательностью», под «уравновешенным суждением». С другой стороны Бог—могуществен в полном смысле этого слова; сила Его беспредельна и непреодолима. Но есть у Него и еще свойства: благость, чистота, святость, которые превосходят все, что мы подразумеваем под этими словами, все, что мы только можем себе вообразить, отблеск чего мы встречаем в лучших людях. Остается и еще одно свойство: Бог исполнен любви. Нет; это выражение не верно, и недостаточно выражает сущность Бога. «Он не «исполнен» любви,—Он **есть** любовь. Олицетворение любви—есть Бог. Но будем помнить, что полный смысл всех этих слов нам остается все-таки непонятным. Все наши определения, все наши представления нам в сущности ничего не объясняют. Это—только намеки. Они значат бесконечно больше, чем мы думаем. Смысл их превыше нашего человеческого понимания.

И этот-то Бог,—премудрый, благой, олицетворяющий Собою любовь,—**Отец наш**. Мы принадлежим Ему. Мы—овцы стада Его.

Мы дети Его, дети Его по усыновлению в Господе Иисусе Христе. Он Отец, Зиждитель наш. Вот к Кому мы относим это слово—«Твоя»—к Богу премудрому, могущественному, святому, Который есть любовь; к Богу, Который нас любит больше чем отец и мать любят детей своих.

«Твоя **воля**». Воля Божия—это Его предначертания, то, что Он хочет совершить, и то, чему Он дает силу для осуществления. Земля—Его творение; люди—Его дети. Подобно разумным, любящим земным родителям, Он печется о всех людях и имеет Свой благой план для всякого человека, и для всего мира. Нет плана мудрее, чище и выше плана Божия. План этот обнимает всю жизнь человеческую и касается всех мелочей ее. Ничто не ускользает от бдительного ока любящего Бога.

Что может быть бдительнее и проницательнее любви? Только противоположность любви—ненависть, близка к ней в этом отношении. Известно, что именно крайности близки друг к другу. Здоровье, сила, домашний очаг, близкие, дружба, деньги, удовлетворение всех нужд, баловство, которое так свойственно любви—все это заключается в заботе о нас любящего нас Бога. Вот, что такое воля Его. Она изменяется в зависимости от нашего согласия с нею, а затем и от обстоятельств нашей жизни. Жизнь человеческая обратилась в запутанный моток ниток. С бесконечным терпением, искусно, распутывает эти нитки Бог, чтобы привести эту путаницу в порядок. С несказанным умением, с бесконечным терпением и любовью совершает Бог дело Свое. Из всех способов действ я Он избирает наилучший. Часто Он мог бы достичь больших результатов, если бы человеческая воля лучше сливалась с волей Его. Богу можно довериться. **Верить же, доверяться** приходится в **полном мраке**, где ничего не видно. Доверяться—это не значит испытывать, проверять, требовать подтверждения. Признавая в молитвенном прошении волю Божию, мы доверяемся Богу.

Таков именно Бог, **такова** Его воля, и таково значение этих в молитве произносимых нами слов.

«Воля Твоя **да будет**». Воля человеческая выражается действиями человека в пределах его сил. Воля Божия для человека выражается в действии Самого Бога в **пределах нашего содействия**, нашего как бы **сотрудничества** с Ним. Делая усилие над своей волей, человек отдается воли Божией. Благоразумная своевременная уступчивость свидетельствует о наличности большой нравственной силы. В этом прошении человек выражает полную свою готовность к тому, чтобы воля Божия совершалась в нем и через него. Пока человек сохраняет свои, ему присущие, природные свойства, до тех пор он не теряет и своей воли. Но в данном случае он делает большое усилие над волей своей, делая ее крепче стали. И всю эту силу воли он направляет на то, чтобы беспрекословно **подчиниться** высшей воле, подчиниться ей даже и тогда, когда она не понятна для его ограниченного разума.

«Да будет воля Твоя»—другими словами: «да будет воля Твоя **исполнена, совершена**». Да исполнится она вся, во всей точности. Здесь не только выражается серьезное желание сердца молящегося человека, но и твердое решение, чтобы собственная его жизнь была безусловным исполнением решения Бога. Это свидетельствует о том, что сильный духом человек, воля которого вполне изменила его жизнь, отдает эту волю в руки Божии. Вот, что заставило великого законодателя, великого еврейского пророка, отказаться от высокого положения и слиться с народом, бывшим в порабощении у Египтян. Человека, обладавшего беспримерной силой духа, пророка Иеремию, это заставило выступить обличителем неверности народа Божия и за это претерпеть страдание. Это навлекло большие скорби и на ап. Павла и, лишив его почета,

которым он пользовался до своего обращения, довело его до плахи. Самого Сына Божия Иисуса это низвело с престола славы Его—на крест.

Во все времена отдачи Богу воли своей бесповоротно меняло все принципы, все стремления человека. «Да будет воля Твоя» вот величайшая, наиболее целесообразная молитва, вот путь, которым Бог совершал все Свои великие дела среди сынов человеческих.

Рядом с этим прошением высказываются еще два, его прекрасно поясняющие.

Первое из них дает нам возможность постигнуть всю широту предначертаний Божиих. Второе указывает на сопротивление воле Божией как отдельных людей, так и всего человечества.

Первое из этих прошений гласит: «Да приидет Царствие Твое». Особенное значение придается тут, как и в предыдущем и последующем прошениях, словам «**Твоя, Твое**». Выражение это употреблено здесь для обозначения того факта, что, кроме воли Божией, существует еще какая-то, иная, воля здесь на земле. И, кроме Царства Божия, есть еще какое-то царство иное, которое с наступлением Царства Божия должно исчезнуть. Эти два царства представляют собою прямую противоположность. Они борются за обладание теми же самыми подданными, на той же самой территории.

Совместно они существовать не могут: «Да приидет Царствие Твое» неизбежно заключает в себе и прошение: «Да прекратится существование царства иного». «Да приидет Царствие Твое» это значит: «Да исчезнет князь мира сего, желающий быть законным наследником престола». «Да будет воля Твоя», поэтому, заключает в себе мысль: «Да не осуществляется воля иная». К такому заключению приводит прошение: «Да приидет Царствие Твое».

Второе прошение, включенное в молитву Господню, и еще более расширяющее круг ее действия выражено словами: «Избавь нас от лукавого». Между изречениями «Да будет воля Твоя» и «Избавь нас от лукавого» существует тесная естественная связь. По смыслу они суть одно и то же. Полное совершение в нас воли Божией свидетельствует об освобождении от всякого влияния на нас власти лукавого, как прямого, так и косвенного, и от влияния на нас наследственного греха. Избавление от лукавого означает, что всякая мысль, всякий план Божий относительно нашей жизни будет всецело осуществлен.

Две великие действующие в мире воли всегда сталкиваются, как в событиях истории, так и в нашей личной жизни. Во многих из нас вернее сказать—во **всех** нас, хотя в чрезвычайно различной степени и форме, происходит непрерывная борьба между волею Божиею и волею сатаны. Человеческое сердце—арена постоянной борьбы. Борьба происходит из-за обладания волею человека. Бог **не хочет** совершать в человеке Свою волю помимо его согласия. Сатана **не может** этого сделать. В результате против воли Божией борется одна лишь воля—воля лукавого. С другой стороны, единственная вещь, препятствующая сатане выполнять его планы,—это человек, всецело отдавший себя на волю Божию.

Таким образом молитва Господня сперва обнимает собою все поле сражения, затем касается конечной цели борьбы: «Да приидет Царствие Твое» и, наконец, ходатайствует о низвержении всякого сопротивления «Да будет воля Твоя», «Избавь нас от лукавого». Всякая истинная молитва, нами возносимая, в основании своем подходит к этой простой удобопонятной молитве. Такую именно молитву и следует возносить к Богу, такие именно молитвы с теми или другими изменениями и восходят к Нему. Молитва эта —величайшая из всех молитв по широте испрашиваемых от Бога благ. Она заключает в себе все, чего только человек может пожелать.

* * *

„Чуден, Боже Сил, тихий час ночной,
Час, когда спит мир людской;
Словно с другом, я говорю с Тобой.
Ты-ж даешь душе покой!"

(Из гимнов).

Да, чуден, Боже Сил, тихий час ночной! все тихо кругом. Спят люди, спит природа, все спит, набирается сил для другого дня. Эта тишина ночи так располагает к молитве. Не спится ночью, или проснешься случайно,—так чудно часок побыть с Господом. В тишине ночи ясней слышится голос Христа, который, днем, заглушается суетой, шумом, заботами житейскими. Господь наш Иисус также любил проводить ночи в молитве, удалялся в пустынные места и молился (Лук. 6, 12).

Час, когда спит мир людской, спят люди, утомленные трудом... Слава Милосердному Господу, что Он дал людям этот благодетельный сон: всю тоску, горе, болезни забываем мы во сне. Но только не спать бы нам слишком беззаботно, чтобы день Господень не застал нас спящими, как сказал апостол Петр (2 Петр 3, 10): „День Господень придет, как тать ночью".

Спит мир людской, но не спит другой мир,—мир зла. Сатана, этот князь тьмы,—не спит с своими клевретами. Мрак ночи—благоприятное для него время; под покровом ночи совершаются всякие преступления, убийства, кражи. Предание Господа Иудой было совершено под покровом ночи. Днем Иуда, может быть, и не осмелился бы привести воинов, чтобы взять Иисуса, не посмел бы взглянуть в Его Божественные глаза. Страшно ночью! Но—слава и благодарность Господу: не спит еще один мир,—мир светлый, чудный, мир Божий! Не спит наш Господь „Не спит и не дремлет хранящий Израиля"—сказал пророк Давид в 120 псалме. Не спит наш Спаситель и охраняет своих верных от всех ужасов ночи и тьмы. „Не убоишься ужасов в ночи, ...язвы, ходящей во мраке" (Пс. 90). Как чудно чувствовать себя под надежной защитой Христа! В Его руке—наша жизнь.

Словно с другом, я говорю с Тобой. Какое счастье! Его святая, пролитая на кресте, кровь дала нам право обращаться к Нему, как к лучшему Другу. „Вы—друзья мои",—сказал Он ученикам (Иоан, 15, 14). Муж умрет, или может изменить, дети вырастут—оставят, друзья забудут, ничто не верно на земле! Только Он Один не оставит, не уйдет, не забудет. Как чудно упасть к ногам Его, в тишине ночи, излить Ему всю тоску, всю скорбь наболевшей души! Только этот Друг может облегчить и утешить.

Ты-ж даешь душе покой. Да, Он сам сказал: „Придите ко Мне, все труждающиеся и обремененные... и найдете покой душам вашим" (Матф. 11, 28—29).

Мир не знает покоя, он суетится, мучается, куда-то стремится, чего-то ищет, а Он дает чудный покой душе, мир и тишину. Братья и сестры! Не будем беззаботно спать и физически и духовно, будем проводить больше времени с нашим Учителем и Господом. Я знаю одного брата на Кавказе. Он аккуратто встает каждый день в 4 часа ночи и целый час проводит с Господом в чтении Слова Божия и в молитве, а утром встает с новыми силами, и работу Его обильно благословляет Господь.

Не будем же мы много спать, чтобы Господь не застал нас спящими и не сказал нам, как некогда апостолам: „вы все еще спите и почиваете". — А теперь еще Он нам говорит: „Бодрствуйте и молитесь" (Марк? 14, 41 и 38).

А. Л.

ЭКЗЕГЕТИКА [1])

ТОЛКОВАНИЕ КНИГИ БЫТИЯ.

В. И. Быков.

Первый день творения.

(Гл. 1, 3—5).

«И сказал Бог»

а) Маленькое словечко И указывает на неразрывную связь действия Духа Божия и дальнейшего творчества. Бог действует непрерывно.

б) Рассматриваемое выражение встречается в I главе Бытия десять раз. Оно указывает на тот чудный факт, что в сотворении Мира принимало участие и второе лицо Святой Троицы, наш Господь Иисус Христос, ибо Он носит имя «Слово». Об этой истине свидетельствуют многие места Писания, как, например: Иоан. 1, 1—3; Колосс. 1, 16; Евр. 1, 2; Евр. 11, 3.

Таким образом к действию Духа Божия присоединяется действие Слова: «да будет».

Эти слова указывают на *способ* Божественного творчества, на Всемогущество Бога, именно на *творение словом.* Перед нами чудный факт: мысль, намерение, воля, повеление Бога были высказаны и немедленно *осуществились:* Рим. 4, 17; 2 Кор. 4, 6; Пс. 32, 6—9.

Примечание 1. Нам иногда приходится читать рассуждения о *материализации* мыслей. В применении к человеку это—неосновательные разговоры. Но в применении к Богу – это чудная действительность.

Примечание 2. Мы должны отметить однако важный факт: даже человеческая мысль обладает некоторой силой; она ведет также к действию [2]). Поэтому нам необходимо строго контролировать наши мысли и сознательно оберегать себя от худых мыслей, чтения плохой литературы, созерцания безнравственных картин.

«И стал свет»

Это место Библии было предметом насмешек и издевательства со стороны неверия, особенно поусердствовал в этом направлении Вольтер; даже доныне раздаются голоса: «как свет мог быть уже в первый день, если солнце было создано только в четвертый день».

Что такое свет? Какова его истинная, физическая природа? Свет был и продолжает быть предметом самого тщательного изучения физиков.

Долгое время в науке царило мнение знаменитого Исаака Ньютона, по которому свет является потоком чрезвычайно малых частиц, несущихся от светящегося тела (теория истечения).

Однако это мнение было оставлено; возникла замечательная теория Френеля, по которой свет есть результат колебаний эфира. Эта теория удивительно полно и тонко разработана, она весьма многое объяснила; в конце XIX века она преподавалась, как несомненная истина.

---

[1]) См. Христианин № 1-й за 1927 г.

[2]) Литературным примером может послужить один из героев Пушкина, который сперва худо думал о своем больном дяде, легкомысленно желая ему смерти, а затем застрелил своего друга.

И что же? Теперь многие ученые *отрицают* совершенно эфир и отвергают стройную теорию Френеля. Таким образом, природа света нам и поныне неизвестна. Поэтому обратимся к простому здравому смыслу. Что говорит нам ежедневный опыт и наблюдение? Когда возникает свет? Оказывается, свет возникает во многих случаях, *помимо солнца*: 1) от сильного нагревания, накаливания; 2) от удара (кремень, огниво); 3) при химических реакциях (например, при горении); 4) от электричества (молнии, северное сияние); 5) существуют светящиеся животные (например: светлячек, морские инфузории).

Во всех этих случаях мы наблюдаем свет, происходящий *помимо солнца*. Итак, свет мыслим и без солнца. Бог сотворил в 1-й день *свет вообще*, быть может главным образом в форме свечения разряженного вещества или северных сияний. Астрономия принимает то мнение, что первоначально существовали *светящиеся туманности*, т.-е. весьма разряженные газообразные массы.

Итак, наука не только не отрицает Библейского порядка в отношении света, но даже подтверждает его.

Нам важно, однако, указать, что были чудные случаи, когда приходилось людям наблюдать свет совершенно особенного происхождения. Эти случаи записаны на страницах Библии.

Исх.	34, 29—35	Лице его (Моисея) стало *сиять лучами;*
Матф.	17, 2	*просияло* лице Его (Иисуса) как *солнце;*
Деян.	6, 15	видели лице его (Стефана), как лице ангела;
Деян.	26, 13	я (Павел) увидел с неба *свет*, превосходящий солнечное сияние.

Это был свет божественного происхождения.

Нам интересно знать, что говорит Писание о Боге именно в этом смысле?

1 Иоан.	1, 5	Бог есть свет.
1 Тим.	6, 16	Бог обитает в неприступном свете.
Пс.	103, 2	Одет светом.
Иак.	1, 17	Отец светов.
Откр.	22, 5	
Ис.	60, 19	

Конечно, мы понимаем эти места прежде всего в духовном нравственном смысле, однако за ними может скрываться нечто реальное. Попутно, мы можем сделать один замечательный вывод, который дает решение важного вопроса философии, а именно: «какова цель творения?» Нам ясно из всего вышесказанного, что *Бог в творении* проявил, *открыл Свои свойства*— Рим. 1, 19—20.

«И назвал Бог свет днем, а тьму ночью».

Нам следует приучить себя вникать в сокровенный, затерявшийся смысл самых ходячих слов; часто при этом можно сделать интересные замечания. Рассмотрим, для примера, некоторые слова:

Защита — за щитом;
Город — от слова «гора»;
колокольчик — кол о кол;
истукан — от слова «стукать» и т. д.

Становясь на указанную точку зрения, мы должны спросить себя: «что обозначают слова *день и ночь?*». Слово *день* на древне-еврейском языке обозначает «движение», «теплота». Это так метко характеризует день!! Слово *ночь* обозначает «уклонение», «застилание», «накатывание».

«И был вечер, и было утро»

Счет времени на Востоке ведется с вечера; здесь есть некоторое практическое удобство; психологически это также понятно (вспомним канупы праздников и наше настроение тогда).

«День один»

Замечательна точность Библейского языка: не сказано «день первый» а сказано «день один». Порядковые числительные следует употреблять в тех случаях, когда мы имеем дело с несколькими предметами. В данном случае, был только *один* день. Поэтому его не приходилось ни с чем сопоставлять. Библия и говорит нам, что был *день один*.

Давно возник вопрос: какова *продолжительность* шести библейских дней творения?

Некоторые быстро ответили и настойчиво твердят: продолжительность каждого из шести дней творения равна точно 24 часам.

Однако, не только глубокие научные изыскания, а простой опыт жизни говорит нам об огромном возрасте нашей земли. Да, действительно, стара наша земля; лик ее изрыт морщинами. Подумаем, хотя бы, например, над меловыми горами около города Белграда, над *балками* южной России, над водопадами и стремнинами и т. д.

Получилось резкое расхождение между таким толкованием слова «день» и наблюдением природы. Надо было критиковать экзегетов, но неверующие стали хулить Библию. В чем же дело?

Мы верим, что Бог *мог* создать Мир в 144 часа (24×6). Однако, Он поступил иначе, быть может для нашего воспитания в духе систематичности и последовательности.

Исследуем, что говорит нам Библия о различных *единицах* времени.

Лук. 4, 19 . . . . Лето Господне (год Господень).
2 Кор. 6, 2 . . . . День спасения.

Ясно, что Писание имеет в виду время благодати, время проповеди Евангелия. «Год» и «день» продолжаются уже около 2.000 лет.

Иоан. 8, 56 . . . . «день Мой»; земная жизнь Христа принята за один день;
2 Петр. 3, 10 . . . . «день Господень» (от восхищения Церкви до новой земли, включая *тысячелетнее* Царство);
2 Петр. 3, 8 . . . . «Один день, как тысяча лет».

Ясно, что эти слова «год», «день» не имеют определенной продолжительности, а обозначают целые «эпохи», «периоды».

Итак, слово «день» обозначает в первой главе Бытия промежуток времени неопределенной продолжительности, эпоху, период.

Такое словоупотребление объясняется отчасти бедностью человеческого языка; а главным образом тем, что вечный Бог имеет иной масштаб для измерения времени.

Заметим также, что правильный счет времени в нашем смысле мыслим только со времени 4-го дня творения, когда появились светила.

Древние Евреи выражали понятие «день» сложным образом: «вечер и утро»; это выражение сохранилось в книге Дан. 8, 13—14.

Это выражение надо иметь в виду при понимании некоторых мест Писания, например, о продолжительности пребывания Христа во гробе.—Матф. 12, 40.

Даже, самый 5-й стих получает в таком случае следующий смысл: «и назвал Бог свет днем, а тьму ночью. И был день: день один».

КРАТКОЕ ПОСОБИЕ ПРИ ИЗУЧЕНИИ БИБЛИИ [1]).

„Имеем... первосвященника... на небесах".

Послание к Евреям.

(См. 4, 14—16; 9, 24—28; 10, 19—22).

Бог не сказал нам, чье перо написало это послание, в котором Дух Святой открывает нам назидательный смысл прообразов Пятокнижия Моисеева, потому что в подлиннике оно было озаглавлено просто так: „Послание к Евреям".

Оно предназначено было для обращенных евреев с целью их:

а) утверждения в ними уже исповедуемой вере в Иисуса Христа;

б) возбуждения в них духа веры в обетования Божии;

в) укрепления их веры среди гонений и искушений и

г) внушения им с долготерпением переносить все встречаемые им в жизни трудности.

Те, к кому прежде всего написано было это послание (по всей вероятности обращенные евреи в Александрии, в Египте), были, повидимому, в то время в особенно трудных внешних условиях и притом духовно слабы.

Во многих местах этого послания упоминаются опасности, угрожавшие угасить их веру:

1) Нерадение по отношению к уже известному им „спасению" Божию (2, 1—3). Замечательно, что здесь употреблено в связи со спасением слово, которое говорится о воде, просачивающейся из текущего сосуда, слово же „вознерадевши" в подлиннике тождественно со словом „пренебрегши", в Матф. 22, 5.

2) Неверие, непослушание, жестокосердие (3; 4), лишавшие их покоя веры в земле Обетованной, их истинного наследия во Христе.

3) Возможность отпасть, потерять бодрость, остановиться в духовном росте, если они „не поспешат к совершенству", оставаясь твердыми в вере, мужественными, и до конца исполненными упования на Бога (5, 11—14; 6).

4) Явное отпадение от веры Христовой, возвращение к иудейству на погибель самим себе (10, 23—39).

5) Отсутствие или недостаток благодати Божией в день бедствия; уныние и слабость среди испытаний и гонений (12, 12—17).

6) Отсутствие дерзновенного свидетельства или „исповедания" верности Божией пред людьми, ослабляющее и парализирующее их веру (13, 6, 13—16; 10, 23).

Избежать этого зла могли евреи, обратив снова духовный свой взор на Самого Господа Иисуса и никогда его больше с Него не сводя. Главная мысль послания выражена в первом стихе его: „Бог... говоривший издревле отцам в пророках", Бог наш „в последние дни сии говорил нам в Сыне". Снова и снова обращает написавший это послание духовный взор колеблющихся учеников на Христа, пока, взирая на Него, они не сделаются твердыми, уповающими, доверяющимися Христу и имеющими радость в Нем. Он назван здесь различными именами и представлен идущим навстречу всякой нужде их.

В главе 1-ой Он является нам в Божественной Своей славе, как **Сын Божий**, превыше ангелов и по имени, и по естеству Своему. Он—Творец миров, все держащий словом силы Своей; Он—сияние славы и образ ипостаси Божией. Все это должно нас повергать ниц пред Тем, Кому служат ангелы, и о Ком свидетельствует Бог Отец и Дух Святой, как о Спасителе мира.

В главе 2-ой мы видим Его в образе **Сына Человеческого,** Бога во плоти; на некоторое время Он пребывает в уничижении, дабы Ему „вкусить смерть за всех". Он—семя Авраамово, именуется Иисусом; Он может страдать Сам, сострадать человеку и помогать искушаемым.

Третья глава показывает нам Христа в трех обликах: как **Посланника,** как **Первосвященника** и как **Мессию**—Иисуса Христа.

Посланник или апостол был вестник, Которого Бог послал к людям; первосвященник был посредником между человеком и Богом, ходатайствовавший за человека пред Господом. Моисей, величайший ходатай древних времен, оказался верным в исполнении эти двух служений и в деле духовного воспитания Израиля, так что Бог мог жить среди народа Своего; но и Моисей был только подвластный Богу служитель. Неизмеримо выше Моисея—Мессия,—Он „Сын в доме Божием". И в этом факте заключается новая причина, чтобы Христу повиноваться, Христу доверяться и радоваться в Нем—сегодня,

[1]) См. Христианин № 2, за 1927 г.

непрестанно, в эту минуту. Те, которые сделались причастниками спасению, становятся и „причастниками Христу“ и всей полноте, в Нем заключающейся. Поспешим же войти в покой Его.

В конце 3-ей и в начале 4-ой главы указывается на главное препятствие, мешающее обрести всю полноту благословений Божиих,—на неверие. Евреи должны немедленно верою войти в покой Божий и овладеть обетованиями Божиими, потому что ведущий их вперед Вождь бесконечно выше и сильнее Иисуса Навина: Он во всякое время может всячески их обогатить. В последних трех стихах 4-ой главы „Иисус Сын Божий“—Богочеловек—представлен нашим Первосвященником, открывающим нам **свободный доступ к престолу благодати.**

Об этом обстоятельно говорится в шести следующих главах до 10, 23 (ср. 4, 14—16 с 10, 19—22).

Господь Иисус, великий Первосвященник наш, как Человек, прообразно был изображен Аароном, первым, получившим помазание, Израильским священником. В послании к Евреям говорится о превосходстве Иисуса Христа над Аароном, потому что Аарон и его преемники в священстве были грешные смертные люди которые должны были „приносить одни и те же жертвы“, сменяя один другого. Господь Иисус—Первосвященник „по силе жизни непрестающей“ (7, 16). „Сей, как пребывающий вечно, имеет и священство непреходящее; посему и может всегда спасать приходящих чрез Него к Богу, будучи всегда жив, чтобы ходатайствовать за них. Таков и должен быть у нас Первосвященник: святой, непричастный злу, непорочный, отделенный от грешников и превознесенный выше небес“ (7, 24—26). Он—царственный Первосвященник „по чину Мелхиседека“. Служитель священства высшего и продолжающегося вечно, тогда как левитское священство было временное (5, 6, 10; 6, 20; 7; Зах. 6, 12—13). Мелхиседек, представляющий прообразно Христа, здесь имеет главным образом значение не как личность **историческая**, а как **прообраз** или **тип** Христа—Первосвященника и Царя. В 7, 3 даются характерные черты Мелхиседека потому, что в Ветхом Завете не имеется никаких данных о его происхождении, родословии и т. д.; и умолчание это, конечно, не случайное. О нашем же Мелхиседеке говорится так: „Мы имеем такого Первосвященника, Который воссел одесную престола величия на небесах“ (8, 1), Первосвященника, идущего навстречу беспомощным нуждающимся в милосердии и благодати грешникам, какими являемся мы.

Далее внимание евреев обращается на **дело и служение Христа,** которому противопоставляется богослужение в храме, все еще совершавшееся в Иерусалиме; и к которому некоторые еще тяготели сердцем; указывается также и подчинение обрядам, связанным с заветом горы Синая, о которых сказано, что они „ветшают, стареют и близки к уничтожению“ (8, 13). Они „ветхи“, потому что отжили свое время и неуместны; они устарели, потому что бессильны и не соответствуют возникающим духовным нуждам. Господь Иисус, великий Первосвященник наш, даровал нам „лучшую надежду“, сделавшись поручителем „лучшего завета“, Ходатаем „завета, который утвержден на лучших обетованиях“. Заметим здесь слово „лучший“, постоянно повторяющееся в этом послании и заключающее в себе его главную мысль. Нам объясняется временный и символический характер богослужений, совершавшихся в скинии и храме, и говорится, что Христос есть осуществление, сущность небесных благ, прообразами и тенями которых они являлись; ибо Он—„Первосвященник будущих благ“ „большей и совершеннейшей скинии нерукотворенной“, т.-е. построенной не только на некоторое время и для земли.

Обратим внимание на 10, 19—25, где вкратце выражена та же мысль. О великом Первосвященнике говорится, что Он „принес Себя в жертву, чтобы поднять грехи многих“ (9, 28), и „одним приношением навсегда сделал совершенными освящаемых“ (10, 14), т.-е. для Него отделенных; Он пролил Кровь Свою, чтобы „очистить совесть нашу от мертвых дел, для служения Богу живому и истинному“ (9, 14). В настоящее время Он ходатайствует за нас пред Богом и „для ожидающих Его“ „во второй раз явится не для очищения греха“, а „во спасение“ (9, 28).

В 12, 2 взор верующих евреев снова обращается на Господа Иисуса—страдающего и прославленного, чтобы они могли этим путем укрепить свои души. Они должны с „терпением проходить предлежащее им поприще, **взирая на... Иисуса**“; это значит совершенно отвратить свой взор от всех и всего, что, как уже было выше доказано не может дать им духовного удовлетворения. Найдут же полное удовлетворение они лишь во Христе, в Нем одном „Начальнике и Совершителе веры“, их „Первосвященнике“ и „Виновнике спасения вечного“, в Первом и Последнем.

Таковы прообразы и тени прошлого, в настоящее время и во всей вечности осуществившиеся во Христе. Таким образом евреям должно сделаться ясным, что христианское учение полагает конец основанному на Свящ. Писаниях учению иудейскому. Таков смысл всех Ветхозаветных Писаний—Закона, Пророков и Псалмов, написанных с целью свидетельствования о Личности и деле Иисуса, Сына Божия, Мужа скорбей, нашего Спасителя, нас освящающего Первосвященника и нашего Царя.

И все это сияние славы и истины Господа Иисуса должно неминуемо отражаться на внутренней и внешней жизни всякого верующего. Все послание полно убедительных доказательств этой истины и вместе с тем—предостережений и увещаний твердо держаться веры; постоянно повторяются слова: „посему", „ибо", „итак", „и потому", смысл которых заключается в их связи с последующим свидетельством об истине во Христе.

Не будем упускать из виду преследуемую посланием цель—доказательство необходимости проявлять веру в повседневных наших делах. Вера должна подтверждать достоверность всякого слова благовестия Божия, если мы хотим испытать на себе благословенное ее действие. Мы можем слушать, читать, даже передавать другим благую весть, но если у нас нет веры, мы не будем „причастниками Христу" (3, 14). Только верою мы можем овладеть обетованиями Божиими. Только верою можем мы жить, дышать, терпеливо переносить испытания и войти в покой.

Вспомним пример и свидетельство, оставленные нам членами царственного рода веры, о которых говорится в 11-ой главе. Они **отказались от всего, кроме Бога** и Его обетований. Они безбоязненно исповедывали свою веру. Они с радостью шли на смерть, за тенями видимого мира видя невидимого Бога. Они восхваляют теперь Бога на небесах. Целое облако этих свидетелей окружает нас, ожидая время, когда мы вместе с ними достигнем совершенства; они оставили нам драгоценное наследие в свидетельстве своем, дабы мы следовали вере их.

Главным же образом будем „взирать" на Господа Иисуса, следуя за нашим Предтечею, чрез открытую Им завесу (10, 20), путем новым и живым, во святилище и храня благодать, „которою будем служить благоугодно Богу, с благоговением и страхом (12, 28).

„ВЕЧНЫЕ ОТНОШЕНИЯ".

Филипп Моро.

Это—мое личное слово обращения к каждому из вас. Со многими из вас, я имел приятные общинные и деловые отношения, с некоторыми в течение долгих лет.

В большинстве случаев, эти отношения были прекрасны, но все то, что в них было земного, преходящего должно прекратиться.

Но разве не существует вечных отношений, которые были завязаны во времени, но никогда не кончатся, потому что предметом их было вечное и непреходящее?

Если это так, то спросим себя, каким образом они были завязаны? Ведь это вопрос большой важности, в виду неопределенности и серьезного значения человеческой жизни.

Некоторые согласятся с этим, другие скажут „не знаю", но все вы убедитесь в важности этого. Можем ли мы получить определенный ответ на этот вопрос? Да.

Именно этот ответ будет целью моего обращения к друзьям; послушайте меня, ради нашего знакомства а также в виду важности предмета.

Существует только один источник, откуда можно почерпнуть ответ на этот вопрос: именно, один Бог может сказать нам нечто определенное по этому поводу. Для нас не имеет цены ответ самого высокого человеческого авторитета и, если мы даже не отрицаем так называемых „результатов науки", то в этом деле они помочь не могут; наука не имеет даже притязания на то, чтобы пролить хотя бы единый луч света на будущую жизнь.

Наблюдение говорит нам, что рано или поздно смерть положит мгновенный конец человеческому существованию, смертному телу и всем человеческим интересам и всякому роду деятельности. Но все ли кончается с этим, или за смертью следует еще что нибудь? И что могло бы последовать?

Часто слышу я, как человек говорит, что он „верит" в вечность, и что он „надеется" на потустороннее блаженство. Но какое основание имеется для этой веры и этого упования?

Вера, которая **не** основана на определенной глубокой убежденности, — есть суеверие, а надежда, которая **не** покоится на определенном убедительном основании, есть грубое обольщение.

Священное Писание говорит, чтобы, „мы были **всегда** готовы дать ответ всякому требующему у нас отчета в нашем уповании"—1 Петра 3, 15.

Только одна книга во всем мире имеет притязание на то, чтобы утверждать нечто о смерти и о всем, что по ту сторону смерти. Если эта книга не истинна, то вообще не

имеется никакого основания, на котором бы можно было построить какую нибудь надежду на продолжение жизни за гробом.

Тогда мы стали бы рассматривать смерть, как отвратительное, ненавистное чудовище, которое парализует чудесные способности тела и предает его безнадежному разрушению; если же Библия истина, то остается испробовать верность ответа; дело облегчается еще тем, что никакая другая книга, никакой авторитет не может в этом отношении сравниться с нею.

Теперь дело вот за чем: есть ли в Библии свидетельство Самого Бога, Его личное слово? Говорил ли **Бог** к людям через Священное Писание? Тысячи раз, открывая листы Святой Книги, мы читаем слова: „Так говорит Господь".

В конце книги сказано, что „все Писание богодухновенно" (2 Тим. 3, 16), и потом, что „изрекали его святые Божии человеки, будучи движимы Духом Святым" (2 Петра 1, 21).

Единственный, Который Сам сказал о Себе: „Я есмь истина", об'явил: Мф. 5, 18.

Накануне того дня, когда Он покинул свет, Он сказал: „Для того Я и родился и пришел в мир, чтобы свидетельствовать об истине"—Иоан. 18, 37.

Но как можно удостовериться в том, что это свидетельство истинно, что Он пришел от **Отца** и ушел к Отцу, когда исполнил порученное Ему?

Было время в моей жизни, и не так давно, когда я лелеял сильные доказательства в пользу этого, потому что думал привести к этому убеждению сомневающиеся умы принудительно, силою доказательств. Но теперь я убедился в том, что действие всей моей системы доказательств только укрепляло противников.

Поэтому я теперь ничего не доказываю,—я научился тому, что вера не состоит из положений разума, как бы ни были они сильны и проницательны, но что вера приходит от слышания, а „слышание от Слова Божия"—Рим. 10, 17; вера производится слушанием Слова Божия и убеждающею силою Духа Святого приводит слушателя к свидетельству о спасении Божием. — Иоан. 16, 8.

Прежде, чем вера внедрится в сердце человека, ей предшествуют весьма простые обстоятельства. Когда мы слушаем речь любого оратора со вниманием, замечаем искренность и серьезность его выступления, свободную непринужденность его манер, правильность его заключений, безпартийность его мнений, его открытое горячее желание вам послужить и помочь, — тогда он преодолевает наш природный скептицизм, и мы вынуждены верить.—такова победная сила истинного свидетельства.

Точно также, еще в большей степени, производится вера через слышание Слова Божия. Не иначе.

Различие между **доверием** к слову человека и **верою** в Слово Божие, есть то, что доверие вызванное человеческим свидетельством, может быть утрачено и разрушено, тогда как вера, как плод Божественного свидетельства, никогда не может быть постыжена. Так точно аппелирует и Библия к нашему человеческому разуму, говоря: „если мы принимаем свидетельство человеческое, свидетельство Божие, — больше, ибо это есть свидетельство **Божие,** которым **Бог** свидетельствовал о Сыне Своем".—1 Иоан. 5, 9.

Поэтому, я хотел бы ввести вас в присутствие „Свидетеля верного и истинного", и прошу вас выслушать Его свидетельство, и я делаю это в живом уповании и с серьезной молитвой о вас, чтобы вы Ему поверили.

Потому что тот, кто доверяется свидетельству Божию, имеет невыразимо прекрасное воздаяние, тогда как тот, кто его отвергает, увидит ужасные последствия своего уклонения. Так говорит ближайший к приведенному нами текст: „Не верующий Богу представляет Его лживым".

Все о чем говорит Бог, относится к Его Сыну. Апостол Павел объявляет в начале послания к Римлянам, что он „призванный Апостол, избранный к благовестию Божию, которое Бог прежде обещал в **Сыне Своем**".

На горе преображения было дано ясное для слуха свидетельство: „Это есть Сын Мой возлюбленный, в Котором Мое благоволение, Его слушайте"!—Мф. 17, 5. Продолжение этого передает ап. Иоанн: „Свидетельство это состоит в том, что Бог даровал нам **жизнь** вечную, и эта **жизнь в Сыне Его.** Имеющий Сына, имеет жизнь, не имеющий Сына не имеет жизни. Это я написал **вам, верующим** во Имя Сына Божия, **чтобы вы знали**, что вы, веруя в Сына Божия, **имеете** жизнь вечную".—1 Иоан. 5, 11—13.

Итак, вот в чем заключается содержание свидетельства Божия:

1) Что жизнь вечная есть **дар Божий**, который Он дает тем, кто принял Сына Его—Иоан. 1, 12. „тем, которые приняли Его, верующим во имя Его, дал власть быть чадами Божиими".

2) Что тот, кто не имеет, не принял Сына, не имеет жизни вечной.

3) Что писанное свидетельство дано с тем, чтобы верующие во имя Его знали, что они имеют жизнь вечную (сравн. Иоан. 20, 31). Таковы определения Божии; никакой человеческий ум не мог бы высказаться подобным образом, и изобрести этого.

Великое откровение Писания, следовательно, таково: „Жизнь во Христе" для всех, кто Его принимает. „В Нем была жизнь" — Иоан. 1, 4. „Верующий в Сына имеет жизнь вечную, а не верующий в Сына не увидит жизнь, но гнев Божий пребывает на нем" — Иоан. 3, 36. „Кто будет пить воду, которую Я дам ему, тот не будет жаждать вовек; но вода, которую Я дам Ему, сделается в нем источником воды, текущей в жизнь вечную"— Иоан. 4, 14. „Мертвые услышат голос Сына Божия и, услышавши, оживут"—Иоан. 5, 25.

„Но вы не хотите притти ко Мне, чтобы иметь жизнь"—Иоан. 5, 40.

„Воля пославшего Меня есть та, чтобы всякий, видящий Сына и верующий в Него, имел жизнь вечную" — Иоан. 6, 40, „Я есмь воскресение и жизнь; верующий в Меня, если и умрет, оживет" — Иоан. 11, 25. „Я есмь путь, и истина и жизнь, никто не приходит к Отцу, как только через Меня" – Иоан. 14, 6. „Как в Адаме все умирают, так во Христе все оживут"—1 Кор. 15, 22.

„И уже не я живу, но живет во мне Христос": — Гал. 2, 20.—„Бог, богатый милостью, по Своей великой любви, которою возлюбил нас, и нас мертвых по преступлениям, оживотворил со Христом, — благодатью вы спасены" — Эфес. 2, 4—5. „Когда же явится Христос, **жизнь** ваша . . . —Кол. 3, 4. „Я был мертв и се, жив во веки веков"! –Отк. 1, 18.

Писание говорит об одном человеке, Адаме, который пал чрез непослушание, и потомство его унаследовало от праотца испорченную природу; и еще говорит оно о другом человеке, Христе, последнем Адаме, Который всему Своему потомству дает чистую, свободную от греха природу. Все, которые еще в „Адаме, т. е. носят черты его природы, умирают, и нет избавления от этой смерти. Все, которые „во Христе", т. е. получили Его природу, имеют жизнь, длящуюся вечно, и являются частью Нового Творения. „Кто во Христе, тот новая тварь. Древнее прошло, теперь все новое".—2 Кор. 5, 17.

Следовательно, если мы, поскольку еще живем во времени, **хотим** иметь вечные отношения, то они должны начаться во Христе. Не обманывайтесь в этом пункте. Самое ясное свидетельсво Писанния есть то, что мы имеем жизнь в **Сыне** Его.

Что такое, собственно, представляет собою человечество? Какая причина всей несправедливости, падения и нищеты человечества? Почему на всяком предприятии человека лежит печать непостоянства и упадка? Почему путь всякой человеческой жизни идет через заботы и разочарования к несказанным обольщениям и кончается отвратительной картиной смерти? Откуда, из одной и той же почвы вырастают преступления, порок, лихоимство, несправедливость, честолюбие и всякий род зла?

Библия дает нам единственное объяснение этому. И если оно не истинно, то мы не имеем никакого. — Библия говорит нам, что основа всякого зла есть то,что человек получил свою испорченную природу путем своего естественного происхождения, т. е. что человек **от природы грешник**. Речь идет о природе человека, независимо от его поведения и обстоятельств. Малейший грех, который он совершает в мыслях, словах и делах, есть доказательство того, что он имеет одинаковую с любым преступником, природу. „Нет различия, ибо все согрешили"—Рим. 3, 23.

Так как Бог бесконечно свят и неумолимо праведен, то Он не может извинить никакого, самого крохотного, греха, не может просмотреть ни единого пятнышка, потому что от Его глаз ничто не ускользает. Он должен их осудить и проклясть.

Но, так как Бог полон сожаления и богат любовью, так как Он возлюбил нас, когда мы были еще мертвыми во грехах (Эф. 2, 4), — то Он приготовил особый путь, на котором Он, без малейшего ущерба Своей справедливости, **милует грешника**, — но это не значит, что Он оправдывает грех,—а только того грешника, который **принимает** искупление.

С этой целью, Он проклял грех **в корне**, именно **во плоти**, что Он и сделал в Святой и непорочной Личности Своего Единственного Возлюбленного Сына.

„Как закон, ослабленный плотию, был бессилен, то Бог послал Сына Своего в подобии плоти греховной в жертву за грех и осудил грех **во плоти**".—Рим. 8, 3.

Заметьте это! Судите сами, не ужасная ли это вещь, что после того, как Бог, Которого мы все прогневили, нашел и для нашего отчаянного положения чудный путь искупления, поставив Своего Сына заместителем грешника, чтобы Ему по благодати Божией вкусить смерть за всех, —Евр. 2, 9,—после того, как Бог все это сделал, есть ли что нибудь более ужасное, как оттолкнуть от себя эту благодать и не принять ,Сына Божия, как Своего Спасителя и Господа! — „Ибо незнавшего греха Он сделался для нас жертвою за грех, чтобы мы в Нем сделались праведными пред Богом".—2 Кор. 5, 21.

Мне очень важно, чтобы этот текст Писания был вами понят. Многие в этом отношении абсолютно невежественны. Я тоже прожил много лет своей жизни в полном неведении этого. У меня было такое положение — если мы действуем с самыми лучшими намерениями, то с нами все обстоит хорошо; а что не особенно клеится, то можно и отпустить.

Но подумайте минутку об этом. Человек пытается вести добродетельную жизнь; заметьте, что он при этом удерживает свою старую испорченную природу, которая не изменяется от того, что сам человек подавляет ее дурные наклонности. И эту старую природу мы не можем ввести в Царствие Божие. Мы должны получить новую чистую природу, как сказал Господь: „Вам должно родиться свыше"—Иоан. 3, 7.

Есть только два рода праведности. Одна праведность та, которая достигается собственными усилиями человека и в глазах Божиих она как „запачканная одежда" (Ис. 64, 5); другая—праведность Божия, добытая верою во Христа Иисуса во всех верующих.—Рим. 3, 22. Если путем исполнения закона мы стараемся стать праведными сами по себе, то ошибаемся и ничего не достигаем; к тому же при этом, мы пренебрегаем благодатью Божией и сводим на ничто смерть Христову, потому что „если законом оправдание, то Христос напрасно умер"—Гал. 2, 21.

Бог видит человека „мертвым во грехе" и безнадежным в его неправде. Человек не может ожить сам собою и доставить себе новую природу. Но Бог пришел ему на помощь и дал вечную жизнь и Божеское естество (2 Петра, 1, 4) всем тем, которые веруют в свидетельство Отца о Сыне Его. Вам тоже послано слово Искупления.

Настоятельно прошу вас не откладывать его в сторону, но серьезно и ревностно подумать об этом, сравнив все это с тем, что вы имеете в сердце и в вашей прошлой жизни.

Найдите время и взвесьте все это. Посмотрите вокруг себя и на себя и увидите, озможен ли еще проблеск надежды, кроме того, который указан в Писании.

Прошу вас, со всею любовью, серьезностью и убеждением, как человек, принявший свидетельство Божие, утверждающий, что Бог истинен, — чтобы вы тому верили, что говорит Бог.

Подумайте, что с вашей ветхой природой, с которой вы явились в мир, Бог ничего не может предпринять, как бы безупречна ни была ваша прежняя жизнь, потому что эта жизнь произошла из **отравленного** источника.

Никакие, самые большие, наши усилия не могут привести нас к Богу; подумайте, что нужно было Ему отдать Своего Единородного Сына на смерть, „Праведного за неправедных", чтобы Он привел нас к Богу.—1 Петра 3, 18.

Не полагайте вашего упования в том, что вы сами можете сделать, но только в том, что **сделал Христос**. Если вы посмотрите со стыдом и душевною скорбью на Его крест и невинно пролитую кровь, то увидите, что здесь Бог схватился с вашими грехами, и в этом найдете твердое основание веры в будущие вечные отношения во славе с Ним и всеми искупленными, и вы будете тогда способны дать ответ всякому, кто потребует у вас отчета в вашем уповании.

С любовью преданный вам автор.

---

* **Выйди из мира, потому что ты еще в мире; ухватись за вечность, потому что ты еще во временном состоянии!**

* **Помимо двери нельзя попасть в дом, помимо Христа нельзя попасть в небо.**

О КОНЧИНЕ ВСЕВОЛОДА ИВАНОВИЧА ПРОХАНОВА

(Младшего сына И. С. Проханова).

23-го июля, минувшего 26-го года, в гор. Ленинграде скоропостижно скончался младший сын Ивана Степановича Проханова, Всеволод Иванович Проханов, 22-х лет от роду.

Всеволод Иванович ПРОХАНОВ.

Вечером означенного числа В. И. вместе с молодыми друзьями рассматривали у него на квартире действие механизма револьвера. Вследствие неосторожного и неумелого обращения с этим оружием неожиданно

раздался выстрел, смертельно ранивший Всеволода Ивановича, который скончался, не приходя в сознание.

Произведенное следствие установило факт неосторожного обращения с оружием.

Похороны В. И. состоялись 26 июля на Смоленском кладбище.

При выносе, в б. Мариинской больнице, собралось большое число друзей и знакомых отца покойного и близких сверстников Всеволода Ивановича.

Процессия при глубокой скорби, под звуки духовой музыки, двинулась по направлению к Смоленскому кладбищу. Там было сказано прочувственное слово бр.бр. А. В. Каревым и Я. И. Жидковым.

Последним было отмечено, что самое дорогое существо, любимый сын дорогого брата Ивана Степановича отошел в вечность в его отсутствии; что это известие нанесет ему глубокую рану, и что мы здесь все вознесем и впредь будем возносить пламенные молитвы о перенесении скорбного удара Иваном Степановичем.

Всеволод Иванович скончался во цвете сил и здоровья.

Только 10 октября 1925 г. он окончил Ленинградский Университет, где поражал профессоров своими способностями. Он изучил основательно общественные и финансовые науки.

Мечтою его было послужить Рабоче-Крестьянской Власти в деле развития хозяйственно-финансовой стороны жизни великого Союза Советских Республик.

Он всегда говорил об этом с великим воодушевлением. Он уже начинал служить государству на этом поприще. И вот, смерть скосила эту жизнь.

Но с другой стороны он придавал огромное значение делу духовно-просветительного возрождения страны, которое подвигалось и развивалось усилиями Всероссийского Союза Евангельских Христиан.

Будучи еще более юным (1922—23 г.) он работал при Организационном Отделе В.С.Е.Х., при чем ему удалось ввести немало улучшений и преобразований. Здесь он проявил недюжинные организационные способности.

Покойный В. И. имел выдающийся поэтический дар. Некоторые из его стихотворений были помещены на страницах „Христианина“ и „Молодого виноградника“.

На Библейских Курсах В. И. Проханов преподавал политграмоту, т. е. науку об основах государственного строя СССР.

В этом деле он проявил редкие преподавательские способности. Словом это был высоко одаренный юноша. Отличительной чертою молодого человека являлось изящество в обиходе жизни. Не было никакого сомнения, что в недалеком будущем из В. И. выработался бы весьма полезный работник для государства и народной духовной нивы.

Глубокая скорбь охватывает сердца всех, кто узнает о кончине этого юноши. И эта глубокая скорбь еще более углубляется тем, что все это случилось в отсутствие его отца, нашего дорогого брата Ивана Степановича, находившегося в далекой Америке.

Будем же молиться, чтобы Господь помог брату Ивану Степановичу стойко и мужественно перенести этот удар.

Во время этого несчастия отсутствовал также и брат почившего Ярослав Иванович Проханов, находившийся в научной командировке в далекой Монголии. Будем молиться и за него.

А пред неисповедимою волею Непостижимого склонимся смиренно.

Почившему ВСЕВОЛОДУ от любящего ОТЦА.

„Любовь отца сильнее смерти".

Сильней, чем смерть, любовь отца,—
И для нее—нет мертвеца!
Пусть смерть крепка, но в храме дум
Иное видит зоркий ум.

Он видит там, где тлен и прах,
Лицо с улыбкой на устах,
Он любит образ тот живой
Неумирающей душой...

Мой сын! Твой лик в душе отца
Живым пребудет без конца!

Сентябрь, 1926.
Америка.

В ЗЕМЛЕ СЫРОЙ..

„Сын мой! Сын мой! О, кто
дал бы мне умереть вместо тебя!
Давид [1]).

Иду ли я по Бродувей [2])
Среди домов до облаков,
На каре [3]) ль мчусь среди полей
Иль слышу грохот поездов,—
Одна картина предо мной:
„Мой сын лежит в земле сырой"...

Вхожу ль в гостиницу—дворец,
Иль слышу, как поет вдали
В чудесном радио певец
О красоте детей земли,—
Одна картина предо мной:
„Мой сын лежит в земле сырой"...

Гляжу ли на обильный стол,
Звенят ли блюда предо мной,
Летит ли быстро, как орел,
Аэроплан над головой,—
Одна картина предо мной:
„Мой сын лежит в земле сырой"...

Поется ль где духовный стих,
Звучит ли арфа за стеной,
Иль слышу звук речей святых
О жизни лучшей неземной,—
Одна картина предо мной:
„Мой сын лежит в земле сырой"...

Я помню сад, а в нем—цветник
Кустами роз благоухал,
И мальчик, маленький шутник,
Родного брата забавлял.
И вот, картина предо мной:
„Мой сын лежит в земле сырой"...

Он был прекрасен, полон сил,
Огонь стремлений в нем горел;
Мечтой о будущем он жил
И жаждою великих дел.
И вот, картина предо мной:
„Мой сын лежит в земле сырой"...

Ложусь ли я на одр ночной,
Дневной заботой утомлен,
И жду, когда придет покой,
Но не приходит сладкий сон.—
Одна картина предо мной:
„Мой сын лежит в земле сырой"...

И жизнь, и смерть в руках Творца,
Смиряюсь, как Иов, вполне
Пред волей моего Отца,
Но все же на яву, во сне
Одна картина предо мной:
„Мой сын лежит в земле сырой"...

О, как бы я хотел почить
И мирно спать, где спит мой сын,
Чтоб он мог встать и снова жить
Трудясь для Бога без кручин!
Но вот, картина предо мной:
„Мой сын лежит в земле сырой"...

Сентябрь, 1926.
Америка.

И. С. П.

---

[1]) 2 Цар. 18, 33.
[2]) Одна из американских улиц.
[3]) **Кара** на местном русском наречии—**автомобиль**.

ЖИЗНЬ ИЛИ СМЕРТЬ

(С рукописи, оставшейся после покойного).

Весь мир лежит во зле.
I Иоан. 5, 19.

Смерть витает над землею,
Ужас в ней царит,—
Всё кровавою враждою
Дышит и звучит.
И потоки крови льются
Всюду и везде;
Стоны, вопли раздаются
В гибельной борьбе [1]).
Мир мучений и страданий,
Горя, плача, слез;
Мир напрасных ожиданий
И несбытных грез!
Мир коварных нападений,
Ядовитых стрел,
Подлых, низких преступлений
И ужасных дел!
Мир порывистых стремлений,—
Юности пора;
Мир пустых увеселений,—
Нет в тебе добра [2])!
За улыбкою приятной
Нож вражды сокрыт;
Запах чудный, ароматный
Смерть в себе таит!
Слово дружбы и привета
Означает лесть;
В сладких, ласковых ответах
Кроется лишь месть [3]).
И когда твой друг клянется
В верности своей,
Злоба в сердце гордом вьется,
Как ужасный змей.
Мир, в котором нету правды,
Истины, добра;
Мир пороков, лжи, неправды,—
Встать тебе пора!
Если взором мы проникнем
В седину веков
И свидетелей окликнем—
Древности отцов,
Мы услышим о страданьях,
Казнях и кострах,
О столь страшных злодеяньях,
Что охватит страх...
Ложь над правдой побеждает,
Зло над добротой,
Мрак луч света заглушает
В темноте земной!

Человека образ славный
В зверя превращен;
Он надменный и тщеславный
Славой упоен...

Всеволод Проханов.

ВСЕ В РУКАХ ТВОРЦА.

Надежда каждая, как нежная свирель, —
Увы, простой тростник!.. Вся наша жизнь и сила
Всегда в руках Творца; и ночью ль, на заре ль —
Он властен нить порвать, лишить всего, что мило;
Где колыбель,
Там и могила.

А. Гюго.

---

[1]) Первоначально:

Смерть витает над землею,
Ужас в ней царит,—
Всё в ней кровью и борьбою
Дышит и звучит.
И потоки крови льются
Вечно и всегда;
Стоны, вопли раздаются...
Царствует вражда!

[2]) Добавлено:

Мир, где всё так быстротечно,
Жалко и пусто;
Мир, где зло одно лишь вечно,
Где мгновенно всё!

[3]) Первоначально:

А в столь ласковых ответах
Кроется лишь месть.

СООБЩЕНИЯ С МЕСТ.

Бр. Баданцев.— Харбин.—„Спешу поделиться радостью, которую мы имели в деле Господнем. В январе, в нашем городе, была устроена неделя молитвы 3-х общин: евангельской, баптистской и методистской. Объединенные собрания были переполнены народом и имели много благословений".

Бр. Кузнецов. — Барнаул.—„Дело Божие в Барнаульском округе понемногу расширяется. В некоторых местах провели впервые собрания. Кое-где организуются новые группы".

Бр. Б. Ташкент. — „Благодарю Господа, что Он дает мне возможность до сего дня совершать благовестие по Средней Азии. Прошлое лето пришлось посетить Армению. Великая радость охватила мое сердце, когда я услышал, что выпущены из печати Библии. Мое искреннее желание распространить Библии как можно в большем количестве в Средней Азии".

Станц. Семейкино, Донец. окр. — „Нужда заставляет нас писать вам. Наш Л. округ в духовном отношении живет незавидно, потому что нет должного воспитания. Мы целые годы не видим у себя благовестников. Число членов нашего округа увеличилось, а также много приближающихся, и ни одного свободного работника. Мы обращались к разным лицам с просьбой посетить нас, но до сих пор никто не едет. Просим, дорогие братья, обратите внимание на нашу нужду и пришлите нам благовестника".

Одесса. — „Сообщаем, что при Господнем содействии было отпраздновано 30-летие Одесской общины. В субботу, 30 октября, состоялось духовно-литературное собрание, а в воскресенье—дневное собрание было посвящено истории Одесской общины, а вечером — призывное собрание и Вечеря Любви. Нашу радость разделили многие общины: были присланы приветственные телеграммы, письма и несколько представителей, в лице братьев. Все это с участием хора, нашего скромного оркестра и некоторых членов нашей общины, делившиеся своими воспоминаниями, придавало собраниям особую торжественность и вселяло в верующих бодрость и желание трудиться на Евангельской ниве. Наш юбилей совпал с особым собранием, посвященным русской Библии, на котором бр. М. сделал соответствующий доклад. Яркой иллюстрацией к нему являлись Библии, изданные ВСЕХ. От всего сердца благодарим вас за приветственную телеграмму и за чудный подарок, в виде Библии в прекрасном переплете".

Г. Покровск, на Волге. — „Я работаю среди русских и немцев. Собрания происходят 4 раза в неделю, кроме того, устраиваю частные беседы по домам. Группа наша состоит из 4-х душ. Посещаемость собраний хорошая; в последнее время посещают собрание православные священники".

Бр. Ж. Юрино. — „Собрания наши переполнены. Верующих, принятых через крещение, всего 6 душ. Есть несколько обращенных душ, которые радуются в Господе. Ежедневно — собрания, после которых долго бывают частные беседы. Из проповедующих — я один, но сестры помогают мне".

Слудка, Вологод. губ. — „Сообщаем нашу радость, что в один вечер обратилось к Господу 12 молодых душ".

Бр. Теплов. — Вологда. — „На-днях, с двумя братьями, мы посетили ряд деревень, где еще не было никогда собраний. Устроенные нами собрания прошли благословенно, слушатели просили посетить их еще раз".

Сестра Никифорова, Твер. губ. — „После съезда мне пришлось посетить общину Е. Там я работала неделю, к Господу обратилось 6 душ. При посещении мною деревень всюду раздаются просьбы—посетить их еще и еще".

Бр. Самоделкин, — Казань. „Только что вернулся из миссионной поездки по Чувашской области. Господь обратил к Себе 4-х чувашей. Особенно ярко было обращение одного чувашина, который во время беседы упал на колени, с криком начал просить Господа о прощении грехов. Затем, взял в руки свое Евангелие (которое наполовину было им искурено) и стал каяться не только перед Господом, но и перед светом Евангелия, в том, что он его рвал на папиросы. После молитвы, чувашин встал, вынул из кармана табакерку, бросил спички и бумагу на пол и в слезах закричал: „больше не буду, больше не буду, не буду".

Бр. Б.; Обдорск, Тобол. окр. — „Сообщаю, что я с братьями Г. и Б. бодрствуем. Дело Божие идет вперед, что нас ободряет и поощряет к большей ревности. Есть много приближающихся и интересующихся Евангелием из самоедов, зырян и остяков. Но есть и такие души, которые при беседе просят оставить их дом, что нас нисколько не удивляет, потому что враг душ человеческих всегда противится Слову Божию. Сегодня мы вернулись из зырянской деревни, в которой устроили два собрания. Господь там благословил нас, все слушали беспрекословно и просили посетить их еще раз. Получили мы разрешение на открытие собрания в городе. Помещение уже найдено. Мы думаем построить здесь молитвенный дом, где бы могли иметь приют, когда возвращаемся из тундры. Работу по постройке мы сами бы могли произвести, но на покупку леса нужны средства. Если можете нам посодействовать в этом деле, мы будем очень рады".

Всем отделам, общинам и группам Евангельских Христиан.

Дорогие братья и сестры во Христе!

Господь проявлял и продолжает проявлять Свое действие на души во многих местах нашей родины, образуя группы и общины из искупленных Им человеческих душ.

Для привлечения к Себе душ, мы знаем, что Господь применял разнообразные пути: в некоторых местах обращались к Господу без участия проповедующих, непосредственно через чтение Слова Божия, в других—через благовестников, родственников, знакомых и т. д.

В настоящее время обращаемся к вам с следующей просьбой:

Составьте краткую историю евангельского движения в вашем городе (селе или деревне) и вышлите нам.

Нас интересуют вопросы:

1) С чего и через кого началось духовное пробуждение в вашей местности?
2) Когда образовалась община (или группа)?
3) Фамилии первых обращенных душ.
4) Как развивалось у вас дело Божие?
5) Какие были гонения?
6) Не повредили-ли вашей общине какие либо заблуждения со стороны?
7) Не было-ли особенно замечательных случаев исцелений по вере или массового обращения в один раз?

Кроме того, обращаемся к отдельным братьям и сестрам с просьбой, у кого была порочная жизнь и яркое обращение, описать и выслать нам.

Просим также прислать фотографии ваших собраний и главных работников.

Этот материал, дорогие, нам необходим для славы Божией, а потому сердечно просим всех отозваться на это дело.

Высылать по адресу: Ленинград, Столярный 18. ВСЕХ.

С братским приветом *ВСЕХ.*

Ответственный редактор: **И. С. Проханов.**

Издатель: **И. С. Проханов и Я. И. Жидков.**

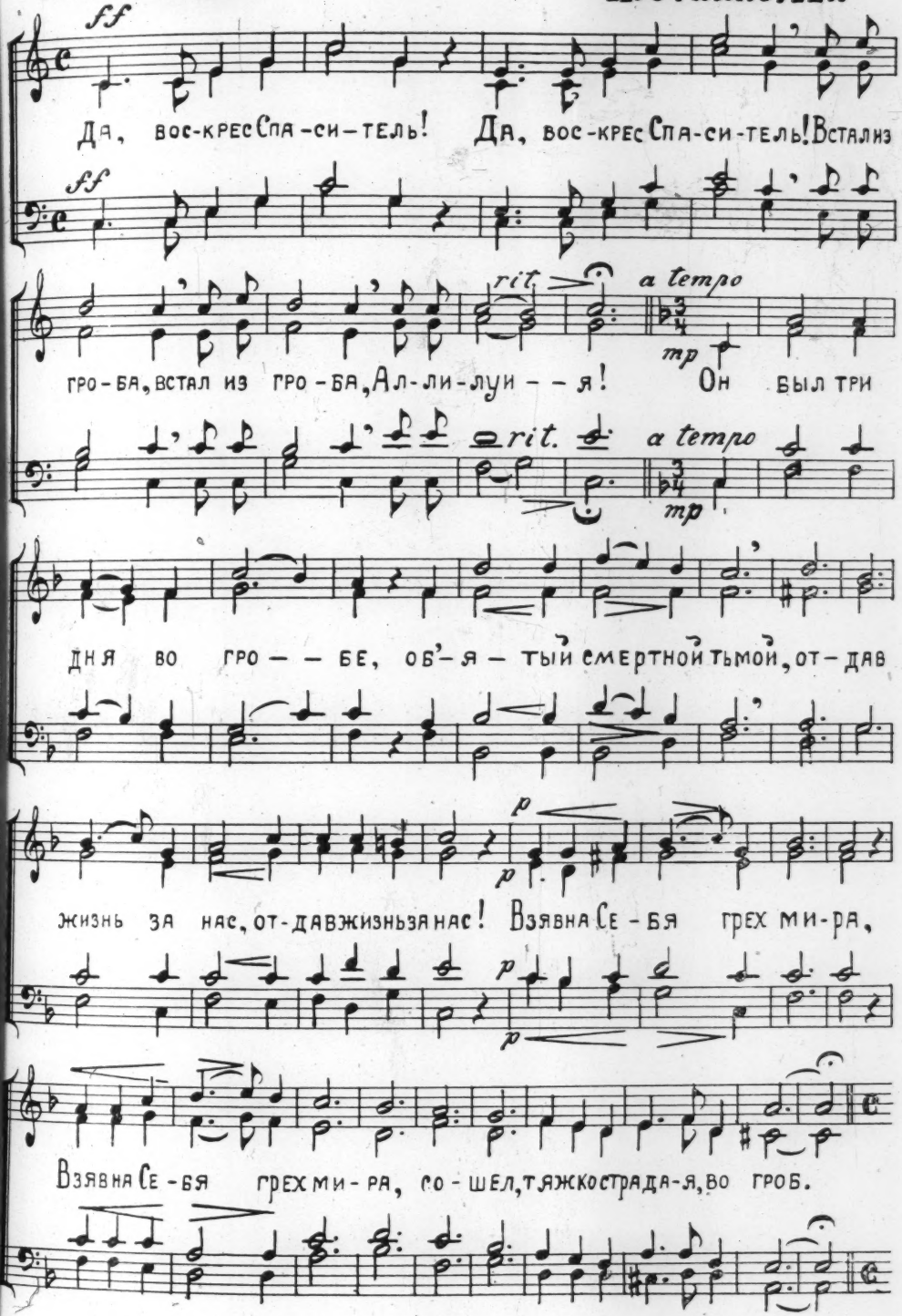
Ленинградский Гублит № 32.749. Тираж 15.000 экз. — 4 л.

Типография Центриздата Ленинград, Красная, 1.

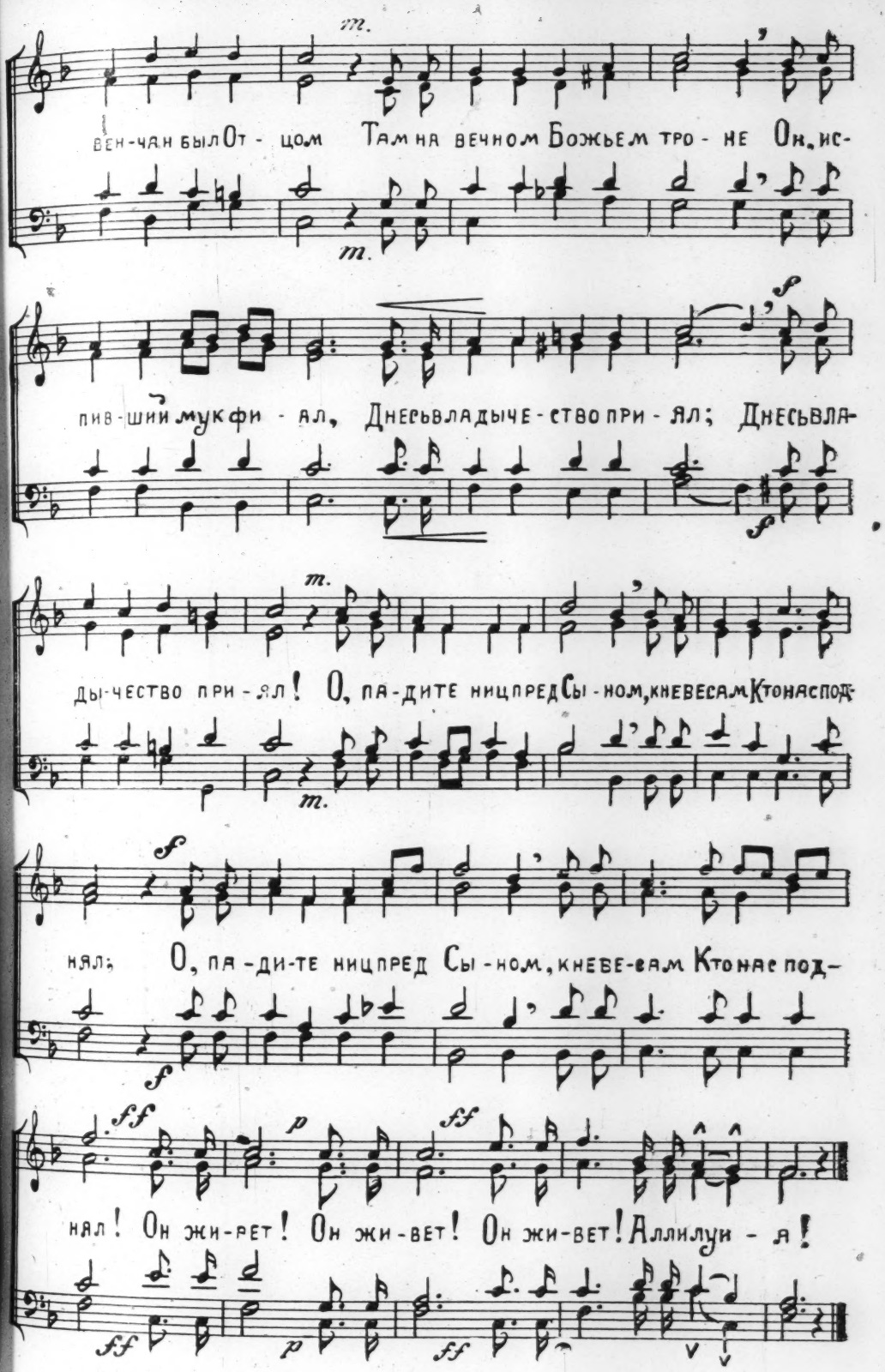
Да, воскрес Спаситель!

Перев. Н.А.К.

K.Grunholzer.



Соло
Все.
Не могла Его удержать гробница; Впустом гробу плащаница, а Хри-
стос воскресши стал всем нам воскре - сень — — — ем. По-
бе - до-ю смерть побеждена! О, смерть, где, скажи, твое жа-ло? О,
ад, где по-бе-да тво-я? Да вос-крес, у - сы - но - вив-ший нас на
век Се - бе, Гос - под! Ча-шу горьких мук испив - ший, Он у-


m.
вен-чан был От - цом Там на вечном Божьем тро - не Он, ис-
m.
пив-ший мук фи - ал, Днесь владыче-ство при - ял; Днесь вла-
m.
ды-чество при - ял! О, па-дите ниц пред Сы-ном, кне весам Кто нас под-
m.
f
ня л: О, па-ди-те ниц пред Сы-ном, кне ве-сам Кто нас под-
f
ff
p
ff
ня л! Он жи-вет! Он жи-вет! Он жи-вет! Аллилуи - я!
ff
p
ff